

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
РУССКІЙ

ФРАНК-МАСОНЪ

(Свободный каменщикъ).

1908 г.

№ 2.

(Печатается въ количествѣ только 250 экз.).

ОГЛАВЛЕНИЕ № 2-го.

Агасферъ (мистическая драма), переводъ г.

Л. А. Ленгольдъ ф. Лиенгардъ.

Хроника.

Изъ области наукъ.

„Золотая цѣпь Гомера“ (введеніе. **Къ изученію герметическихъ наукъ**). Перев. Е. Н. Гельфрейхъ. **Д-ръ Ф. Маанъ.**

Г
„на

Агасферъ.

(Мистическая трагедія).

Ф. Лиенгардта.

(Переводъ съ нѣмецкаго г-жи Л. А. Ленгольдъ)

Часть II.

Агасферъ на Рейне.

Дѣйствующія лица второй части:

Профессоръ (Агасферъ).

Эрихъ, сынъ его (Иоаннъ).

Гильдегарда, жена Эриха (Вероника).

Яковъ, домоправитель (Никодимъ).

Докторъ Лабанъ, ассистентъ профессора.

Дѣйствіе происходитъ на Рейнѣ, въ наше время.

Дѣйствіе I.

Рабочій кабинетъ профессора. Письменный столъ заваленъ книгами и бумагами; на немъ—черепъ; глобусъ, разные инструменты и проч. Скелеты; кости разбросаны по всей комнатѣ; библиотечный шкафъ. Налѣво—въ глубинѣ сцены—выступъ въ видѣ башни, съ балкономъ; изъ раскрытаго окна видна приречинская мѣстность. Направо, въ глубинѣ сцены, завѣшенная портьерой дверь, ведущая въ лабораторію. Еще другая дверь на правой сторонѣ. Диванъ, кресла, стулья и проч.

Профессоръ (сидитъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ работу, опустивъ голову. Долгое молчаніе. Онъ поднимаетъ глаза, перебираетъ на столѣ книги, перелистываетъ ихъ, отмѣчаетъ что-то карандашомъ на листѣ бумаги; разсматриваетъ разныя кости, снова что-то записываетъ, бормочетъ, наконецъ, говоритъ вполголоса, съ видомъ затаеннаго упорства.) Это несомнѣнно. Повторяю — что это несомнѣнно... Мы своего добьемся... Мы объяснимъ все—однимъ, единымъ числомъ—вложимъ все въ одно, единое слово... Затѣмъ—закроемъ книгу и станемъ властелинами вселенной... Знаніе—могущество!... (Пересматриваетъ свои записки съ видомъ недоумѣнія, какъ бы теряя увѣренность въ себѣ, качаетъ головой, кладетъ со вздохомъ перо на столъ и, откинувшись на спинку кресла, кричитъ.) Лабанъ!

Лабанъ (безъ сюртука, въ рабочемъ фартукѣ, выходитъ изъ-за завѣшенной двери) Вы меня звали, господинъ профессоръ?

Профессоръ. Намъ придется прекратить на сегодня наши занятія. Сегодня мы все равно ничего не добьемся.

Лабанъ. Надо работать, не покладая рукъ. Мы обязаны работать надъ этимъ, не покладая рукъ. (Уходитъ. Вдали слышны звуки арфы).

Профессоръ (медленно приподнимаясь, вытягиваетъ руки и глубоко вздыхаетъ). Я становлюсь старъ—да, старъ, старъ. Что это за музыка, Лабанъ?

Лабанъ (изъ-за занавѣси). Это, должно быть, супруга вашего сына; это, должно быть, она играетъ на арфѣ.

Профессоръ (смотреть въ глубокомъ раздумьи, скрестивъ на груди руки на свои бумаги). Лорелея манить къ себѣ? Лорелея сидитъ на своей скалѣ, играетъ на арфѣ и завлекаетъ въ свои сѣти легковѣрныхъ пловцовъ... Тысячи людей разбиваютъ себѣ черепа, подобно перелетнымъ птицамъ, бьющимся головой о ночные маяки... Это сатанинская игра... Но я все-таки не уступлю... Не уступлю я тебѣ, Лорелея? И если мнѣ не придется самому справиться съ этой задачей, если этотъ ветхій черепъ не выдержать до конца—то сынъ мой довершитъ дѣло. И мы все-таки тебя побѣдимъ!... Лабанъ, подите-ка сюда; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Лабанъ (снова появляется, вытирая полотенцемъ руки.) Надо работать, не теряя ни минуты, господинъ профессоръ. Если конкуренція, такъ сказать, предупредить насъ; если кто-нибудь другой выхватитъ у насъ изъ-подъ рукъ это открытіе, то это будетъ чистый позоръ. Вотъ была бы пикантная новость для всѣхъ остальныхъ невѣждъ... и это—послѣ всѣхъ нашихъ газетныхъ статей. У моего отца была поговорка...

Профессоръ. Отецъ вашъ сошелъ съ ума отъ биржевой игры.

Лабанъ (смѣясь.) И выигралъ себѣ его, цѣлое состояніе. А въ этомъ-то и вся суть дѣла.

Профессоръ. Но мы желаемъ сохранить нашъ разумъ.

Лабанъ. Ба! Разъ дѣло идетъ о подобномъ открытіи?

Профессоръ. Человѣкъ...

Лабанъ. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о человѣкѣ? Въ наше время, когда все работаетъ массами. Мы выжимаемъ изъ себя всѣ соки во имя науки.

Профессоръ. Но вы пока все еще процвѣтаете, любезный Лабанъ.

Лаба́нь (смѣясь.) А почему бы и не такъ? Я всегда остаюсь спокойнымъ, отношусь ко всему съ практической точки зрѣнія. Вы же, господинъ профессоръ, вкладываете во все слишкомъ много души.

Профессоръ. Вы, къ сожалѣнію, правы. Я готовъ—видя, какъ ничто не трогается съ мѣста—смыть кровью всё обвѣтшавшія понятія—да, я готовъ смыть кровью, уничтожить посредствомъ желѣза, путемъ инквизиціи и висѣлицъ—тупоуміе массъ, разъ его нельзя искоренить инымъ путемъ... Я хочу поговорить съ вами, Лаба́нь, прежде нежели сюда придетъ мой сынъ... Мой сынъ?! Въ этомъ словѣ—мое спасеніе! Мой сынъ послѣдователь и завершитель всего существа моего, всей борьбы моей. Говорю вамъ, докторъ—во время его трехлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, я окружилъ какимъ-то миѳическимъ ореоломъ, голову моего мальчика. Теперь я сложу весь богатый запасъ накопленныхъ мною сокровищъ знанія на плечи моего наслѣдника и сына. О, онъ долженъ получить въ наслѣдство полвѣка упорнаго, научнаго труда. Онъ долженъ быть моимъ освободителемъ, завершителемъ—моимъ спасителемъ; но—ха, ха, ха—лишь въ смыслѣ антихриста! Понимаете вы меня, Лаба́нь? (Трясетъ его съ нервнымъ смѣхомъ за рукавъ). Вы нашъ рабочій—вы.. (Внезапно задумываясь и какъ бы вглядываясь въ даль.) Но—вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами, Лаба́нь... Есть тутъ одно обстоятельство... гмъ... эта женщина, которую онъ привезъ къ намъ изъ Индіи...(Впадая въ глубокое раздумье.) Гдѣ—гдѣ я ее уже когда-то...(Какъ бы очнувшись.) Да, докторъ—объ чемъ мы это сейчасъ говорили? Ахъ, да, да. Подите сюда, присядьте. Начнемъ *in medias res*". (Садится.) Вы видите, тутъ разбросаны разныя сочиненія о буддизмѣ и тому подобныхъ бредняхъ... Я не въ достаточной степени знакомъ съ этими вещами,—хотя и писалъ о нихъ... Вы же—человѣкъ начитанный...(Придвигается къ нему ближе, опираясь локтями о колѣна и потирая руки.) Какого вы мнѣнія, любезный докторъ—о будійскомъ или о Пивагоровомъ ученіи—о переселеніи душъ? (Смотритъ ему съ напряженнымъ вниманіемъ, въ глаза).

Лаба́нь (изумленный). Удивительно! Здѣсь—среди всѣхъ этихъ реторть и аппаратовъ—среди этихъ костей и бациллъ—и вдругъ такой вопросъ?...

Профессоръ. Я спрашиваю васъ—какого вы мнѣнія объ этомъ ученіи.

Лаба́нь. Но развѣ тутъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе?... я вообще, не понимаю... какъ можете вы... ахъ, да—вы желаете получить какія-либо сообщенія о фактахъ, нужныхъ вамъ для опозиціонной статьи.

Профессоръ (не спуская съ него глазъ). Ученіе это заключается—насколько мнѣ извѣстно—въ слѣдующемъ: каждый человѣкъ обладаетъ обособленнымъ, личнымъ и безсмертнымъ духомъ, соединеннымъ—надо къ тому прибавить—съ просвѣтленнымъ подобно ему—тѣломъ; духъ этотъ постоянно воплощается въ новыхъ образахъ и формахъ, пока онъ не достигнетъ достаточной зрѣлости для того, чтобы переселиться въ область чистыхъ духовъ. Таково приблизительно это ученіе—если я не ошибаюсь? (Встаетъ и смотритъ съ напряженно-мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ на удивленнаго Лабана.) Хорошо. Разумѣется, все это нелѣпый вздоръ—скажете вы—да скажу и я. Но возьмите какой-либо, вполне опредѣленный фактъ. Если я напимѣрь—скажу вамъ, что я уже видѣлъ когда-то—прежде—какую-либо личность—и если мнѣ въ то же время докажутъ неоспоримо—докажутъ научнымъ путемъ—что этого быть не могло? И если я, тѣмъ не менѣе—не могу отрѣшиться отъ этого жуткаго ощущенія, отъ этого мучительнаго воспоминанія?... Что тогда? (Смотритъ на него загорѣвшимися глазами).

Лабанъ. Это—обманъ чувствъ или же—явное проявленіе сложившагося въ нашей памяти ошибочнаго представленія. Вѣдь въ мозгу нашемъ отпечатаны миллиарды различныхъ впечатлѣній. Не можете же вы серьезно предполагать...

Профессоръ. Я ничего не предполагаю—я лишь опредѣляю факты. Я лишь опредѣляю впечатлѣнія, существующія въ моей нервной системѣ—или я не знаю—гдѣ. Я говорю о возмущающихъ меня самого ощущеніяхъ, Лабанъ—ощущеніяхъ, преслѣдующихъ меня въ моихъ сновидѣніяхъ и потрясающихъ меня до глубины души. (Тяжело дышитъ).

Лабанъ. Что такое сновидѣнія? Мыльные пузыри!

Профессоръ. Можетъ быть—да, а можетъ быть—и нѣтъ!.... Когда сынъ мой привезъ сюда свою молодую жену—вотъ ту, что играетъ теперь на арфѣ—закройте окно, Лабанъ; игра эта раздражаетъ меня—волнуетъ—она точно надо мной издѣвается. (Лабанъ закрываетъ окно; звуки арфы слышны слабѣе и понемногу, совсѣмъ стихаютъ). Гмъ—что хотѣлъ я сказать, Лабанъ?... (смотреть въ одну точку; Лабанъ пристально и съ любопытствомъ въ него всматривается). Да да,—сынъ мой—мы говорили о моемъ сынѣ—не правда ли? (Улыбается, киваетъ головой и ходитъ по комнатѣ, потирая руки).

Лабанъ. Вы хотѣли сказать...

Профессоръ. Что... Да, да, совершенно вѣрно, Лабанъ. Когда они оба—да, они оба—стояли вотъ тутъ, въ дверяхъ—дер-

жась за руки, загорѣлые подь индїйскимъ солнцемъ—то—говорю вамъ, Лабанъ—я былъ смертельно испуганъ... Потому что—замѣтьте, что я вамъ говорю—потому что я уже разъ—когда-то, прежде—видѣлъ ихъ, точно такъ же стоящими вмѣстѣ...

Лабанъ (въ него взглядываясь). Переутомленные нервы...

Профессоръ. Къ чорту нервы! Оставьте мои нервы въ покоѣ! Это низкое, подлое, коварное орудіе нашего времени, служащее людямъ для того, чтобы умерщвлять посредствомъ его неудобныя для нихъ мнѣнія... Нервы! Кажется, достаточно подло лгуть о моихъ разстроенныхъ нервахъ—газеты... Мои нервы тверды какъ сталь. Во мнѣ сохранился огонь и пары, какъ въ машинахъ нашего вѣка... Да—знайте это! (Опрокидываетъ стулъ, шагая въ волненіи по комнатѣ). Вы уже столкнули меня съ моей кафедрой въ силу того, что я черезчуръ „радикальный матеріалистъ“—то-есть—черезчуръ честный мыслитель! А теперь хотите въ конецъ уничтожить мощное значеніе моего слова, толкуя о моихъ разбитыхъ нервахъ и выдавая меня—съ нахальнымъ состраданіемъ—за сумасшедшаго... Невѣжды!

Лабанъ. Но вѣдь я тутъ не при чемъ, господинъ профессоръ. Все это говорятъ ваши противники,—а не я же, вашъ ассистентъ?

Профессоръ. Ахъ, какой тутъ ассистентъ!... Всѣ вы—пигмеи! Шарлатаны—всѣ вы! Мнѣ не нужно никакихъ ассистентовъ. Мнѣ становится часто страшно моего собственнаго величія. Я стою одиноко, среди всего этого мелкаго звѣрья!... (Стараясь успокоиться, выпиваетъ стаканъ воды.) Ну—поговоримъ хладнокровно, придерживаясь сути дѣла. (Садится.) Да, да будемъ хладнокровны и поговоримъ о дѣлѣ. (Вдали слышно хоровое пѣніе; поютъ „На Рейнѣ растутъ наши лозы“.) Да, да, мы знаемъ, что на Рейнѣ живетъ пустоголовый народъ! Люди эти живутъ, влюбляются, совокупляются и истлѣваютъ въ землѣ. А я сижу здѣсь и извожу себя въ этомъ угрюмомъ зданіи. Ради чего?... Ради кого?... Ради человѣчества?—Пустая фраза!... Нѣтъ—не ради кого-либо и не ради чего-либо... Лишь по той единственной причинѣ, что живущее внутри меня пламя не даетъ мнѣ покою!.. Лабанъ, не обижайтесь на меня за то, что я сейчасъ такъ погорячился... Я дѣйствительно нѣсколько... нѣсколько... ну, да хорошо!.. Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: я оставлю свои занятія. Да, Лабанъ—я удалюсь съ поля сраженія, съ полнымъ почетомъ, въ полномъ порядкѣ. Меня знаютъ какъ одного изъ немногихъ изслѣдователей—какъ единственнаго изслѣдователя среди всего этого, готоваго на всякія едѣлки и уступки, люда—

единственнаго, который съ безпощадной строгостью придерживается своего міровозрѣнія — да, съ безпощадной строгостью! Церковь, ладанъ, мистика, высшій міръ, метафизика, богословіе — долой все это! Это все — дѣтскія болѣзни. Все это должно быть унесено теченіемъ Рейна, въ океанъ — какъ ненужные отбросы, — а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, пусть унесетъ оно туда же и пресловутую „германскую душу“. Мы желѣзною рукою управляемъ міромъ... Мы — враги и противники Бога! — Я и сынъ мой! Династія Наполеоновъ, ха, ха, ха! Наполеоновъ науки, разрушителей европейской сентиментальности... Ха, ха, ха! Вы меня понимаете?... Шутки въ сторону. Вы вѣдь тоже полезный работникъ, мой трудолюбивый Лабанъ — но ваша сильная сторона — это вѣдь способность себѣ ловко усваивать.

Л а б а н ъ (холодно). Находясь при васъ, мнѣ ничего больше не остается дѣлать.

Профессоръ. Разумѣется. Но сынъ мой — у моего сына есть свои идеи — мой сынъ обладаетъ творческой способностью. Онъ доведетъ до конца высокое знаніе моихъ научныхъ изслѣдованій — знаніе, долженствующее перерасти всѣ церковныя колокольни, съ куполомъ св. Петра во главѣ! Я положилъ основной камень — да, я! Да! — а всѣ чернорабочіе науки, всѣ эти поденщики, мелкіе спеціалисты, салонные матеріалисты, которыми нашъ вѣкъ кишитъ какъ Египетъ во время построенія пирамидъ — Ха, ха, ха! Чернорабочіе науки! Что вы на это скажете, Лабанъ? — Чернорабочіе — удачное выраженіе. (Вдали слышенъ звонъ колоколовъ.) Звоните, звоните, рейнскіе колокола! Мы скоро заставимъ васъ замолчать! (Очень серьезно.) Но я хочу сказать вамъ нѣчто, Лабанъ, нѣчто, долженствующее остаться для всѣхъ тайной. Слушайте. Вы обѣщаетесь молчать? (Протягиваетъ ему руку).

Л а б а н ъ. (Подаетъ ему машинально руку, пристально за нимъ на блюдая). Разумѣется — разумѣется.

Профессоръ (оглянувшись вокругъ, близко къ нему придвигается). У меня опять появляются припадки сомнамбулизма. Да, Лабанъ, это ничто иное. Припадки сомнамбулизма снова на меня находятъ. Галлюцинаціи — ничто иное какъ галлюцинаціи; но галлюцинаціи эти — ужаснаго рода. Онѣ изводятъ мое тѣло и мою душу! (Подвигаясь къ нему еще ближе.) Я расскажу вамъ сейчасъ одинъ случай. Я проводилъ вчера вечеромъ моего сына и жену его, въ ихъ комнаты и сидѣлъ вотъ тутъ — у этого стола — за работой. Вѣроятно, я заснулъ — что, *pota bene* — случается со мной весьма рѣдко. Подъ утро, часа въ четыре, гдѣ вы думаете — я проснулся? Гдѣ я очутился? Надъ Рейномъ пронеслась грозовая туча съ ливнемъ, а я

былъ тамъ—въ паркѣ—и висѣлъ на краю скалы, запутавшись въ мокромъ кустарникѣ... Подомною протекалъ Рейнъ, вѣчно струящийся въ даль, Рейнъ,—а я висѣлъ надъ обрывомъ, словно сама Лорелея схватила меня за воротъ и повѣсила тамъ... (Встаеъ, тяжело дыша.) И говорю вамъ, Лабанъ—около меня и вокругъ меня кружился въ дикой пляскѣ, съ визгомъ и пѣніемъ, рой призраковъ... словно замокъ этотъ—ночное сборище вѣдьмъ! Шумнымъ вихремъ неслись онѣ вокругъ меня—цѣлое полчище привидѣній окружало меня—и я былъ среди нихъ Фаустомъ, а вы Мефистофелемъ! О, эта пляска всей міровой исторіи... этотъ бѣшеный хороводъ всѣхъ событій въ человѣчествѣ... и при томъ это не смолкающее, однообразно-дикое пѣніе!.. Взоры всѣхъ были обращены на меня, Лабанъ—лишь на меня одного—и всѣ костлявые пальцы призраковъ, указывали на меня—всѣ лишь на меня.

Лабанъ. Психіатрія!

Профессоръ. Къ чорту психіатрія!.. (Оттираетъ лобъ.) Есть еще другой міръ, говорю я вамъ—онъ заглядываетъ сквозь разные скважины и щели въ міръ моей системы, онъ пугаетъ меня, какъ пугаютъ лѣснаго оленя звуки враговъ, долетающіе до него изъ міра людей. Какая-то дикая поэзія звучитъ въ воздухѣ или во мнѣ самомъ—не знаю хорошо, гдѣ. Но я ее чую, я ее сознаю и весь трепещу подъ ея властью, какъ трепещетъ тополь среди бури. Я не могу опредѣлить ее какъ слѣдуетъ—мои инструменты для того слишкомъ грубы, мое міровоззрѣніе слишкомъ тупо—да, тупо! (Ходитъ въ волненіи по комнатѣ и затѣмъ останавливается передъ Лабаномъ и, выпрямившись во весь ростъ, говоритъ съ холодной рѣшимостью.) Все это значить, Лабанъ, я скажу вамъ, что все это значить. Это—проклятая германская душа; это—та подлая потребность въ метафизикѣ, которая гнѣздится въ крови всѣхъ насъ—людей германскаго племени. Это религиозное чувство, побѣжденное мною тяжелымъ, трезвымъ трудомъ, работой надъ числами и вещественными доказательствами и вырывающееся по ночамъ на волю, потому что днемъ разумъ мой стоитъ на сторожѣ и не допускаетъ подобныхъ проявленій. (Оттираетъ влажный, горячій лобъ платкомъ и продолжаетъ съ возрастающимъ волненіемъ.) О, Лабанъ, но если это дѣйствительно такъ, если за предѣлами этой лабораторіи со всѣми этими тончайшими инструментами, за предѣлами того, что доступно пониманію нашего мозга, за предѣлами пространства и времени—таится еще непостижимое богатство жизни, существуютъ возможности, положенія, духовный міръ—Богъ... (Вздрагивая, запахиваетъ на груди одежду, какъ бы обвѣянный холодомъ.) Намъ пришлось бы тогда всему пере-

учиться... (Все тише.) и я боюсь, Лабанъ... что для меня было бы уже слишкомъ поздно!.. (Падаетъ въ кресло, тяжело дыша и низко опустивъ голову. Долгое молчаніе. Лабанъ, стоя въ сторонѣ, пристально за нимъ наблюдаетъ, отмѣчая что-то карандашомъ въ своей записной книжкѣ).

(Входитъ Эрихъ).

Эрихъ. Что это значитъ? Вы сидите съ закрытыми окнами? (Открываетъ окно).

Профессоръ (вставая.) Это ты, мой мальчикъ? Да, открой окно, широко распахни его! Поди сюда, сынъ мой; слава Богу, что ты пришелъ—ха-ха-ха. Слово „Богъ“ произносится часто помимо нашей воли, но надо и въ этомъ случаѣ быть послѣдовательнымъ. Я хочу сказать—ты мнѣ нуженъ, мой милый мальчикъ! Я вспоминаю о Веллингтонѣ, говорившимъ въ ожиданіи Блюхера, во время сраженія при Belle-Alliance: „Я желалъ бы, чтобы наступила ночь или чтобы пришли пруссаки“. Такъ и я разъ сто повторялъ, я желалъ бы, чтобы наступила ночь, безразсвѣтная, вѣчная ночь или чтобы пришелъ ко мнѣ мой сынъ и, смѣнивъ меня, докончилъ бы, съ помощью своихъ молодыхъ силъ, мой, ставшій мнѣ не по силамъ трудъ. Ну, и вотъ ты, наконецъ, тутъ со мною! (Жметъ руки Эриха).

Эрихъ. Ты очень утомленъ, дорогой отецъ.

Профессоръ. Пустяки! А гдѣ же твоя жена?

Эрихъ. Она все не можетъ наглядѣться на золотыя воды нашего Рейна. Ты слышалъ, какъ она играла на арфѣ?

Лабанъ (про себя, пряча въ карманъ записную книжку). Лорелея.

Эрихъ. Сегодня утромъ я находился въ приподнятомъ, майскомъ настроеніи духа и подъ вліяніемъ радостнаго сознанія того, что я, одержавъ побѣду, возвратился домой, я написалъ ей праздничную пѣснь. А она подыскиваетъ къ ней музыку, фантазируя на арфѣ.

Профессоръ. Что?..

Эрихъ. Что это тебя такъ удивляетъ?

Профессоръ. Ты занимаешься поэзіей?

Эрихъ. Случается порой, когда находишь на меня такое настроеніе, знаешь, въ тѣ минуты, когда въ насъ точно все расцвѣтаетъ отъ счастья. Я, впрочемъ, положилъ тебѣ на столъ, въ видѣ привѣта на Троицынъ день мой „гимнъ Солнцу“.

Профессоръ (беретъ со стола листокъ бумаги). Такъ это твое произведеніе?

Эрихъ. Или—если хочешь—произведеіе Гильдегарды, потому что въ немъ заключается суть одного, происходившаго между нами, разговора.

Лабанъ (съ ироніей.) Супруга ваша, кажется—извините меня,—она, сколько я могъ замѣтить, весьма благочестива. Она, даже сядя за столъ, молится.

Эрихъ (сухо.) Жена моя дочь миссіонера.

Профессоръ (долго смотрѣвшій то на сына, то на листокъ со стихотвореніемъ, холодно). Лабанъ, занятія наши, на сегодня, кончены. (Лабанъ кланяется и хочетъ уходить.) Подождите. (Подходить къ нему, внушительно и хладнокровно говоря.) То, о чемъ мы сегодня говорили, остается между нами. (Беретъ его за руку, смотря ему въ глаза.) А насчетъ того, что надо будетъ предпринять въ случаѣ, если мое состояніе ухудшится—я говорю о крайнихъ мѣрахъ, долженствующихъ положить скорый конецъ всему, прежде нежели все станетъ извѣстнымъ враждебной мнѣ партіи,—насчетъ этого мы еще поговоримъ съ вами. Борьба будетъ продолжаться и безъ меня. Врагъ будетъ побѣжденъ. А пока все это остается между нами. (Твердо и строго смотреть на него, сжимая ему руку, Лабанъ низко кланяется и уходитъ, видимо сильно испуганный, робко озираясь вокругъ).

(Профессоръ и Эрихъ).

Эрихъ. Надо считаться со всякими случайностями.

Профессоръ. Надо считаться со всякими случайностями. Я говорилъ сейчасъ Лабану: борьба будетъ продолжаться, если меня и не будетъ болѣе здѣсь. И я хотѣлъ было прибавить, указавъ на тебя: и вотъ, нашъ будущій вождь,—но въ послѣднюю минуту я раздумалъ это говорить, благодаря вотъ этому вздору (указывая на листокъ) и еще многому, что бросилось мнѣ въ глаза и что пришло мнѣ внезапно въ голову... Сынъ мой! Вотъ уже второй день, какъ ты избѣгаешь объясненія со мной... Три года мы въ глаза не видали другъ друга, писалъ ты рѣдко, да вотъ и теперь ты стоишь передъ твоимъ отцомъ въ какомъ-то смущеніи и какъ бы уклоняясь отъ прямого отвѣта. (Подходя къ нему ближе, кладетъ ему на плечо руку.) Сынъ мой, неужели ты хочешь меня покинуть? (Минутное молчаніе.) Эрихъ, говорю тебѣ,—Эрихъ, ты мнѣ необходимъ! Болѣе, нежели ты самъ это предполагаешь, Эрихъ? Необходима мнѣ помощь твоя. Лишь крайнимъ напряженіемъ силъ удерживаю отъ разрушенія эту дряхлую развалину—мое тѣло... Но я не хочу разрушиться, не имѣю еще права разрушиться потому, что я не одержалъ еще побѣды! (Съ трудомъ переводить дыханіе).

Эрихъ (испуганный). Я уже вчера говорилъ тебѣ, ты въ высшей степени переутомленъ, добрый, дорогой отецъ мой. Для чего же вернулся я къ тебѣ, вернулся вдвоемъ съ самой жизнерадостной изъ женщинъ какъ не для того, чтобы освѣтить жизнь твою, цѣлымъ небомъ, сіяющимъ тепломъ и красотой вечерней зари. Мой милый старикъ!

Профессоръ. Я не старикъ! Я не хочу быть старикомъ! Когда послѣдній изъ темныхъ невѣждъ истлѣетъ въ землѣ, тогда я стану старикомъ... Сынъ мой! Спрашиваю тебя съ глазу на глазъ: ты перешелъ къ нимъ, на ихъ сторону?

Эрихъ. Но что ты хочешь?

Профессоръ. Послѣ всѣхъ твоихъ чудесныхъ начинаній. При твоихъ несравненныхъ дарованіяхъ!.. Въ виду моей борьбы и того, чѣмъ стало въ общественномъ мнѣніи имя мое—именно теперь, когда я стою на краю бездны—это было бы подло, это было бы неслыханнымъ позоромъ! Этого невозможно пережить? Прикованный къ скалѣ Прометей, претерпѣвшій столько мукъ отъ клюва коршуна и терзаній, гнѣва, и тотъ закричалъ бы при видѣ такой коварной, отцеубійственной измѣны. (Ходить въ странномъ волненіи по комнатѣ, вышивая залпомъ стаканъ воды).

Эрихъ. Отецъ, не думай, что я перешелъ на сторону какой либо партіи.

Профессоръ. Партіи? На свѣтѣ существуютъ лишь двѣ партіи, съ тѣхъ поръ, какъ земля вращается вокругъ солнца. Партія сильныхъ, могуче опирающихся о скалу, впивающихся когтями въ міръ дѣйствительности, и партія гонимыхъ вѣтромъ мечтателей. Первыхъ величаютъ матеріалистами; людьми безъ нравственныхъ основъ, атеистамъ, а тѣ другіе,—это идеалисты. Они состоятъ въ борьбѣ между собой со временъ Каина и Авеля: Каинъ былъ мужъ, Абель—пустоголовый ребенокъ. Дымъ Каинова огня опустился тяжелой, черной тучей на землю, дымъ Авелева жертвенника безслѣдно испарялся въ воздухъ... Смотри на это, какъ на символъ.

Эрихъ. Хорошо, отецъ. Мы, такимъ образомъ, прекрасно поймемъ другъ друга. Обѣ эти силы необходимы для поддержки вселенной. Чрезмѣрно напряженный матеріализмъ можетъ стать отцомъ противоположнаго направленія. Если такъ, то я настоящій сынъ твой.

Профессоръ. Хитро придумано. Ты; слѣдовательно, откровенно говоришь, прямо сознаешься въ томъ, что ты отъ меня отрекся?

Эрихъ (спокойно и твердо). Видишь ли, отецъ... я все откладывалъ это объясненіе, желая дать тебѣ время отдохнуть и успокоиться. Но я вижу, что ты такимъ образомъ не добьешься спокойствія. Я долженъ тебѣ во всемъ признаться. Отецъ, я дѣйствительно не могу продолжать твою работу. Твое міровоззрѣніе стало мнѣ чуждымъ... Я долженъ сказать болѣе: я буду стараться побороть—если это окажется нужнымъ—твое міровоззрѣніе... Прости меня, отецъ, но я не могу иначе поступить.

Профессоръ (съ усиленіемъ выговаривая слова). Ты—хорошо—прекрасно—ты будешь стараться—побороть меня, побороть меня. (Падаетъ въ кресло, опустивъ въ изнеможеніи руки).

Эрихъ (подходя къ нему). Милый батюшка—я несказанно страшился этого объясненія... повѣрь мнѣ! Сколько разъ находясь среди тихихъ волнъ океана, мысленно видѣлъ я тебя передъ собой сидящаго у рабочаго стола, открывающаго и закрывающаго книги, видѣлъ тебя, трудящагося день и ночь надъ твоими аппаратами, работающаго какъ бы съ вылитыми изъ стали нервами и мускулами; и я видѣлъ, какъ ты все чего-то искалъ и искалъ... и все не находилъ!.. Какъ мнѣ было жаль тебя, отецъ!

Профессоръ. Уходи отсюда—уйди! (Стонетъ.) Сколько тысячелѣтій я... прикованный къ этому рабочему столу! Тысячи лѣтъ жду я—не придетъ ли мнѣ кто-нибудь на смѣну... И вдругъ... геперь...

(Входитъ Гильдегарда, держа въ рукахъ большой пучокъ сирени, который она кладетъ на столъ).

Эрихъ. Поди сюда, Гильдегарда... помоги мнѣ. Это поразило его болѣе, чѣмъ я ожидалъ... (Подходить съ ней къ отцу; тотъ вскакиваетъ съ мѣста, дико смотря на нихъ.) Смотри—мы оба тутъ, передъ тобой—мы, дѣти твои! Дѣти твои хотятъ сказать тебѣ, что они всѣмъ сердцемъ любятъ тебя.—Посмотри на нее, на мою милую жену! Я выбрался изъ стѣнъ этого ученаго дома—и хстѣлъ—чего я хотѣлъ? Хотѣлъ доказать происхожденіе человѣка изъ земли, роаясь въ древнихъ, найденныхъ въ ней, костяхъ. И я нашелъ, отецъ—вмѣсто грязной тины и ислѣвшихъ костей—это живое сердце—до краевъ переполненное свѣтомъ солнца. И въ немъ открылось мнѣ истинное происхожденіе наше—происхожденіе человѣка—изъ свѣта!

Профессоръ (глухо шепчетъ, не сводя съ нихъ глазъ). Я васъ уже когда-то видѣлъ... Вы мнѣ когда-то—уже говорили это.

Гильдегарда. Что съ нимъ? (Подходя къ нему.) Милый батюшка.

Профессоръ (отшатываясь отъ нея). Прочь! (Пугается самъ своего возгласа и возвращается снова къ дѣйствительности.) Твое отре-

ченіе... твое отреченіе... я не нахожу словъ... (Садится. Гильдегарда опускается передъ нимъ на колѣни. Онъ стонетъ.) Я не вижу конца... Не вижу его во вѣки вѣковъ...

Гильдегарда. Конца нѣтъ! Его нѣтъ во вѣки вѣковъ! Это говоримъ и мы оба—Эрихъ и я. Но мы говоримъ это въ блаженные часы любви—и говоримъ совсѣмъ не такимъ тономъ, какъ ты. Любви нѣтъ конца—любовь безконечна. Поди съ нами, въ нашу страну любви, отецъ; тамъ ты не будешь болѣе вздыхать—ты будешь лишь радостно повторять съ нами: конца нѣтъ—нѣтъ его во вѣки вѣковъ!

Эрихъ (опускаясь на колѣни по его другую сторону). Да, отецъ—и позволь напомнить тебѣ о твоёмъ любимомъ изреченіи: „Знаніе—могущество!“ Повѣрь мнѣ, отецъ, любовь—могущество! Слушай, что я тебѣ скажу: если смотрѣть на вещи трезво и съ дѣловой точки зрѣнія—смотрѣть земными глазами, которыми вы стараетесь на все взирать—то вся суть моего странствованія заключается въ слѣдующемъ. Я совершилъ—надо сказать, безъ успѣха—путешествіе съ научной цѣлью, познакомился въ Индіи съ моей невѣстой и возвратился съ нею домой. Хорошо. Вѣдь это, собственно говоря, все—не правда ли? Но насколько радостнѣе, лучше, насколько тоньше и глубже—звучитъ все это, пересказанное языкомъ души? Былъ человѣкъ, который чуть было не погибъ, затравленный борьбой нашего вѣка; но онъ встрѣтился со свѣтлымъ созданіемъ, научившимъ его смотрѣть на все просвѣтленнымъ взоромъ. Она стала его женой и возвратилась съ нимъ въ Европу—и оба они дали обѣтъ открыть людямъ двери къ истинной, полной свѣта, жизни—вѣрно и мужественно трудясь надъ своей скромной работой... И вотъ мы здѣсь—передъ тобой; мы стоимъ оба, преклонивъ колѣна передъ человѣкомъ, въ которомъ сильнѣе нежели въ комъ-либо—воплотился духъ этого жестокаго времени. — Не такъ ли, Гильдегарда? Отецъ—тебѣ не придется принести въ жертву ничего изъ того драгоцѣннаго клада, который ты приобрѣла такимъ неустаннымъ трудомъ—ты ничего не принесешь въ жертву. Дай намъ лишь изгнать отсюда демона ненависти и тревоги; демона ненасытной алчности; позволь намъ изгнать его, какъ изгоняли царство зимы изъ древней Германіи. Не такъ ли, Гильдегарда?

Профессоръ (какъ бы въ забытіи смотря на нихъ.) Все это—не наука!

Эрихъ. Нѣтъ—это наука сердца!

Гильдегарда. Называй это поэзіей, дорогой отецъ; называй премудростью; называй вѣрой въ Божество... ахъ—называйте это

какимъ хотите именемъ!.. Что значить названіе—имя?.. Оглянитесь вокругъ. Канунъ Троицына дня сіяетъ на золотомъ небо-склонѣ — собирается прозвучать благовѣстомъ колоколовъ надъ землею! О, я такъ уберу зелеными вѣтвями вашу рабочую комнату, что вамъ придется пробираться къ вашимъ аппаратамъ черезъ цѣлую зеленую рощу! Да? Можно? — Вся твоя ученость станетъ вдругъ свѣтлой, радостной, божественной!

Профессоръ (вставая). „Божественной!“ Ты, кажется, должна сама видѣть, что твой способъ перевоспитанія для меня не пригоденъ... (Спокойно и холодно.) Ступайте въ свои комнаты. Здѣсь мы заняты серіознымъ дѣломъ. (Ръзче.) Я хочу этимъ сказать: дѣтямъ—мѣсто въ дѣтской—Понимаете? (Сердито толкаетъ ногой кресло).

(Входитъ Яковъ, старикъ съ сѣдыми, кудрявыми волосами, на головѣ шапочка).

Яковъ. Я полагаю — вамъ лучше будетъ оставить господина профессора одного. (Становится между Эрихомъ и Гильдегардой).

Профессоръ (устремивъ на нихъ глаза.) Стойте, стойте! (Хватается рукой за лобъ, какъ бы что-то припоминая.) Васъ — всѣхъ троихъ—я гдѣ-то... гдѣ-то... Уходите отсюда!.. Вы всѣ трое чего-то отъ меня добиваетесь!.. Вы всѣ трое меня преслѣдуете—преслѣдуете меня—цѣлыя тысячи лѣтъ!..

(Эрихъ проситъ знакомъ жену и Якова удалиться. Они уходятъ; онъ остается одинъ съ отцомъ).

Эрихъ. Отецъ, отложимъ пока въ сторону всѣ эти теоретическія препирательства, отнесемъ другъ къ другу какъ человѣкъ къ человѣку, какъ отецъ къ сыну. Знаешь, что я предложу тебѣ? Поѣдемъ прокатиться по Рейну. Посмотри, какой чудный, майскій вечеръ! Мы станемъ болтать о всеневныхъ вещахъ, ты расположишься поудобнѣе въ лодкѣ,—а я буду липш твоимъ сыномъ—и ничѣмъ болѣе...

Профессоръ. Мой сынъ!... Нашъ будущій вождь!.. Ха, ха, ха!.. Вотъ будетъ потѣха для всѣхъ отсталыхъ невѣждъ... О, о!..

Эрихъ. Твой сынъ...

Профессоръ (внѣ себя.) Нѣтъ у меня сына!.. Мой сынъ тотъ, кто трудится надъ моей работой... Лабанъ будетъ моимъ сыномъ! Да! Лабанъ, Лабанъ!.. А ты можешь называть отцомъ—ханжу Якова—вы вѣдь всегда были съ нимъ заодно—вы заговорщики!.. (Надвѣваетъ на голову шляпу.) Вы оба—ты и жена твоя—можете итти своей дорогой—препятствій съ моей стороны не будетъ... Лицемерія я никогда не выносилъ... сентиментальность мнѣ отвратительна... И потому—намъ всего лучше будетъ—разстаться.

И ты можешь уйти, унося съ собой убѣжденіе въ томъ—что ты въ конецъ разрушилъ дѣло цѣлой жизни, изнемогшаго отъ труда чело-вѣка... Да, ты его разрушилъ... предалъ... А теперь оставь меня одного... Убирайся въ свою дѣтскую!

Эрихъ (собираясь съ духомъ и стараясь сдержать внутреннее раздраженіе.) Въ дѣтскую?.. Хорошо, отецъ... это—съ пасмѣшкой повторяемое тобою слово—напоминаетъ мнѣ о томъ, что у меня была тоже и мать, а не лишь ты одинъ. Оно напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ часто запуганная и угнетенная мать моя искала убѣжища въ моей дѣтской—изгнанная высококомѣнными упреками изъ твоего присутствія—осмѣянная и поруганная въ самыхъ святыхъ своихъ вѣрованійхъ! Если ты желаешь оскорблять какъ неразумнаго ребенка—каждаго, кто осмѣливается внести частицу царственнаго духа въ эту комнату, то я оставляю въ сторонѣ духъ этотъ и буду говорить съ тобою лишь какъ сынъ моей матери—и я тебя спрашиваю: что сдѣлалъ ты съ моею матерью? Что случилось съ тѣмъ счастьемъ, которое ты былъ обязанъ дать ей? Что случилось съ моею молодостью?.. Ты ни одинаго раза не подумалъ о томъ—ты, превратившійся среди машинъ въ машину—что тамъ, въ дѣтской, сидитъ твоя измученная жена, держа на рукахъ своего запуганнаго, растеряннаго мальчика; что она плачетъ—плачетъ—и что слезы ея сливаются со слезами ребенка... Или это было лишь сентиментальностью, съ нашей стороны? Или чудная женская душа, считавшаяся, бывало, германскимъ племенемъ за святыню, превратилась въ настолько достойную осмѣянія вещь, что ты считалъ себя въ правѣ растоптать ее ногами, съ высоты своего научнаго фанатизма? На твоей душѣ—ея слезы—слезы, которыхъ ты никогда не понималъ! Эти слезы разрушаютъ теперь дѣло твоей жизни—а не я!—Ты говорилъ сейчасъ о моихъ несравненныхъ дарованійхъ; неужели я внезапно превратился въ твоихъ глазахъ—въ глупца—потому только, что я не хочу болѣе продолжать вашу враждебную борьбу съ Божествомъ—борьбу, называемую вами—наукой.

Гильдегарда (вбѣгая). Эрихъ!..

Эрихъ (гнѣвно). Я жду отвѣта!.. Онъ долженъ дать мнѣ отвѣтъ. Я весь дрожу отъ негодованія... Тридцать лѣтъ угнеталъ и озлоблялъ онъ меня! Онъ искажилъ человѣческій образъ во мнѣ и въ себѣ! Онъ искажилъ царственную науку! Всѣ они должны дать въ томъ отчетъ... Я не хочу быть ни животнымъ, ни малиною; я хочу, чтобы вы возвратили мнѣ, мой человѣческій образъ!..

Гильдегарда. Прости его, отецъ... Эрихъ, поди сюда... Видишь, отецъ, онъ хочетъ просить у тебя прощенья...

Профессоръ (очень холодно). Это будетъ совершенно липнимъ потому уже, что я столько же понимаю всю эту болтовню—сколько и вотъ этотъ напыщенный вздоръ—его гимнъ Солнцу!... Яковъ, приготовь мнѣ постель—здѣсь, на диванѣ. Къ ужину можете тоже не ждать меня. (Хочетъ уходить).

Эрихъ. Нѣтъ, отецъ, нѣтъ... Неужели мы такъ встрѣтимъ съ тобою—Троицынъ день?

Профессоръ (холодно, намѣренно оскорбительнымъ тономъ.) Ступай въ дѣтскую! (Уходитъ).

(Эрихъ, Гильдегарда).

Эрихъ (сильно взволнованный, но съ твердостью.) Итакъ—между нами преграда навѣки... Конецъ всему! Гильдегарда, я потерялъ отца—окончательно потерялъ его! Все, что соединяетъ человѣка съ человѣкомъ—все это изсохло въ этомъ существѣ—все окаменѣло и окостенѣло...

Гильдегарда. Мы еще поборемся съ нимъ, Эрихъ; мы еще завоюемъ его!

Эрихъ. Нѣтъ, нѣтъ—его ты не завоюешь! Я вижу передъ собой глубокую, полную тайнъ человѣческой жизни—бездну. Они и мы! Мы съ ними никогда не сойдемся—развѣ лишь тогда, когда разрушится эта земля и зародится новый міръ. Наша непрерывная борьба, наши побѣды и пораженія—поддерживаютъ жизнь этой звѣзды—такъ же какъ лѣто и зима, какъ день и ночь, какъ любовь и ненависть... Ахъ, Гильда! Сердце мое скорбитъ объ этомъ старикѣ: вѣдь онъ отецъ мой! Какъ радовался я тому, что принесу ему съ собой—плоды моей жатвы—эту радостную, свѣтлую, такъ блаженно одушевляющую насъ, жизнь. Какъ радовался я тому, что буду дѣлиться силами этой внутренней жизни моей со всякимъ, кому будетъ доступно мое слово. Потому что я желалъ быть не только человѣкомъ науки, которую я искренно люблю, Гильда—я желалъ уподобиться поэту и ясновидцу... Но теперь—здѣсь... О темная, тупая дѣйствительность.

Гильдегарда. Не теряй мужества, мой Эрихъ! Развѣ мы не пришли съ тобою подобно борцамъ и крестоносцамъ—въ эту, утраченную свою святиню—землю, для того, чтобы вернуть ее снова къ божественному свѣту! (Раздвѣляетъ пучокъ сирени на небольшие букеты и разставляетъ ихъ повсюду).

Эрихъ. Бороться и работать—этому я научился у отца. И я буду придерживаться этого, усвоеннаго мною навыка со всей настойчивостью сѣвернаго германца.

Гильдегарда. Но мы будемъ бороться въ любви и ра-

дости... да, Эрихъ? Наше чело должно оставаться яснымъ—не правда ли, милый? (Гладитъ его лобъ.) Вотъ такимъ я люблю тебя. Герои должны быть бодры и веселы. Эта улыбка, свѣтлая и въ то же время чуть-чуть печальная, придаетъ твоему милому лицу выраженіе, поясняющее все внутреннее существо твое... Знаешь, я такъ люблю нидерландскіе воинскіе напѣвы и еще—хоралы времени реформаціи; какъ часто пѣвали мы ихъ по воскреснымъ вечерамъ, оглашая ихъ звуками индійскую лѣтнюю ночь. Вокругъ стояли, притаясь въ кустарникахъ, смуглые люди и прислушивались къ нашему пѣнію. „Приди, Духъ Святый—Господи, Боже нашъ!“ Не правда ли, какъ величаво это звучитъ? И частица этого Духа должна жить и въ насъ обоихъ—да, Эрихъ—мой другъ и братъ—мужъ мой?

Эрихъ. „Въ давно минувшія години

„Сестра ль моя, невѣста ль ты была?“

О, Гильдегарда! Я лишь твое отраженіе! Я лишь отзвукъ твоего сладкаго голоса.

Гильдегарда. Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ люблю я тебя—и буду любить вѣчно! (Нѣжно обнимаютъ другъ друга.) А теперь—я побѣгу въ паркъ—къ отцу и постараюсь задобрить его ласковымъ словомъ—значешь, такъ—совсѣмъ незамѣтно; начну болтать о разныхъ мелочахъ—о растущихъ по дорогѣ цвѣтахъ—для того лишь, чтобы онъ почувялъ около себя нѣчто человѣческое. Да? Но прежде, нежели я туда пойду, сдѣлай вотъ что: прочти мнѣ—и вотъ этой комнатѣ твой гимнъ Солнцу? Да?

Эрихъ (улыбаясь). Ахъ, ты—съ твоимъ южно-германскимъ—„да“. Сколько разъ на дню повторишь ты это „да“?

Гильдегарда. И вотъ что я еще скажу тебѣ, Эрихъ; не знаю, поймешь ли ты меня. Въ эти печальныя времена легко можетъ показаться притворствомъ свѣтлое душевно-радостное настроеніе въ человѣкѣ—да, милый? Но мы тѣмъ не менѣе—останемся искренними и правдивыми и будемъ твердо стоять на нашей почвѣ, для того чтобы люди не говорили: „Имъ легко смѣяться!“ Ахъ, нѣтъ. Было время, когда намъ вовсе не легко было смѣяться—ни тебѣ, ни мнѣ... Но теперь мы смѣемся и радуемся ото всей души! Да, Эрихъ?

Эрихъ. Да—Гильдегарда? (Задумчиво и серьезно.) Да, я понимаю тебя, дорогая моя. Не легко намъ уживаться съ жутко-тяжелымъ настроеніемъ моего отца. Въ немъ все велико—и самыя заблужденія его. Мы постоянно стоимъ въ тѣни этой величавой личности. (Беретъ со стола листокъ бумаги.) Итакъ—мой гимнъ

Солнцу... Гильдочка... (Снова опуская руку съ листкомъ.) мнѣ очень больно... очень, очень больно...

Гильдегарда (отирая ему глаза). Что это—слезы, мой храбрый другъ? (Цѣлуетъ его въ глаза.)

Эрихъ. Не обращай на это вниманія... Это надо какъ-нибудь пережить... Гимнъ Солнцу!..... Онъ ищетъ родину человѣка въ грязной тинѣ; мы—упорно и со слезами—настаиваемъ на томъ, что мы искры Божества, испещрившія изъ того непостижимаго начала, которое скрывается тепломъ и свѣтомъ во всѣхъ ощущеніяхъ нашихъ—вѣрой, надеждой и любовью—въ душахъ нашихъ! (Гильдегарда садится. Свѣтъ вечерней зари освѣщаетъ комнату).

Эрихъ (читаетъ сначала грустнымъ, но затѣмъ все болѣе крѣпнущимъ голосомъ, съ возрастающимъ къ концу воодушевленіемъ).

„Гимнъ Солнцу“.

„Праздничная пѣснь моя славить тебя, святое Солнце; голосъ мой звучитъ какъ колокола звонъ! Я—звукъ Божіей арфы; я искра безконечнаго огня—огня творческой силы; я—частица вѣчнаго источника любви! Священное пламя—я ниспосланъ тобою! Дитя Солнца—я принесенъ свѣтлыми лучами изъ далекой лучезарной страны для того, чтобы повѣдать о ней—порожденнымъ тѣмъ же свѣтомъ—обитателямъ земли! Дитя Солнца—я взошелъ лучомъ въ земную оболочку—сила Слова осѣнила меня—и я пришелъ къ вамъ посломъ—ясновидцемъ, пророкомъ и борцомъ!

Жизнь моя—благодареніе; смерть и судъ—невѣдомы мнѣ. Я былъ свѣтомъ и возвращаюсь къ свѣту... Сіяніе солнца, краса земныхъ цвѣтовъ—моя радость... и я дѣлюсь съ людьми дарами, принесенными мной изъ отчаго дома, изъ свѣтлаго Божіяго чертога—дарами, во вѣкъ неисчерпаемыми!

Жители душевной страны, рабы гнетущей среды—зачѣмъ ищите вы вашу родину во прахѣ могилъ? Зачѣмъ бродите—отчаянно цѣпляясь за земную кору, тщетно ища чего-то въ бездушномъ, чуждомъ Божеству пространствѣ. Поднимите главу! Родина наша—вольная ширь вселенной! Мы привѣты радостно сіяющихъ звѣздъ—мы помышленія, мы пѣснопѣнія Божества! Каждый изъ насъ—слово пламенной, вѣчно звучащей въ горнихъ сіяніяхъ—рѣчи!

Изъ дѣтскихъ глазъ улыбается нашъ небесный свѣтъ; лучи его сіяютъ на дѣвчьемъ лицѣ... Въ яркихъ кораллахъ морского дна—въ огненныхъ нѣдрахъ земли—повсюду разлито это пламя! Каждая благая, зародившаяся въ твоемъ сердцѣ, мысль, каждое доброе, испещренное изъ души, слово—все это—изливаемый на землю свѣтъ. А когда ночная тьма осѣнитъ твое тѣло, то умирающаго

слуха твоего коснется благодатное, принесенное гостемъ изъ храма Бальдура — слово: „Ты совершилъ свой путь; исходъ открыть передъ тобою!“

„Тогда ты улетишь на родину—въ безграничную даль, ты возвратишься домой! Хоръ друзей встрѣтитъ тебя, пѣснь блаженныхъ духовъ приметъ тебя... О, если бы я обрѣлъ въ вѣяніи вѣтра лишь единый звукъ этой пѣсни — я бы провозгласилъ по всей землѣ: „Мы—дѣти Солнца“.

Гильдегарда (обнимая его). Мы—дѣти Солнца!—Благодарю тебя, милый. А теперь я побѣгу въ паркъ — къ отцу. Да? До свиданія! (Убѣгаетъ).

З а п а в ѣ с ь.

ДѢЙСТВІЕ II.

Та же комната. Нѣсколько позднѣе. Темно.

Входятъ Эрихъ и Яковъ; первый несетъ зажженную лампу.

Эрихъ. Онъ все еще въ паркѣ. И Гильдегарда съ нимъ. (Ставить лампу на столъ.) Можетъ-быть, ей скорѣе меня удастся найти настоящее слово, для того, чтобы его уговорить.

Яковъ (онъ и Эрихъ — говорятъ оба спокойно, но что-то печальное и жуткое, видимо, тяготѣетъ надъ ними). Я видѣлъ, какъ они шли вдвоемъ, озаренные луннымъ свѣтомъ. Страшно было видѣть ихъ вмѣстѣ. Она шла въ своемъ бѣломъ платьицѣ, такая легкая и молодая, а рядомъ съ ней господинъ профессоръ—такой сумрачный, удрученный, шелъ, потупивъ голову и наклонившись къ землѣ. Точь-въ-точь — старый король и молодая королева въ сказкѣ. Давно уже не зналъ нашъ домъ женскаго присутствія.

Эрихъ. Мнѣ надо поговорить съ тобой объ одномъ серьезномъ дѣлѣ. Скажи, пожалуйста, Яковъ, кто жилъ до меня въ моей комнатѣ?

Яковъ. Докторъ Лабанъ.

Эрихъ. А гдѣ онъ теперь живетъ?

Яковъ. Вотъ тутъ—за лабораторіей.

Эрихъ. Слѣдовательно, онъ занимался за письменнымъ столомъ, стоящимъ въ моей комнатѣ?

Яковъ. Да—разумѣется.

Эрихъ (вынимая изъ кармана бумаги). Я нашелъ забытыя въ этомъ столѣ бумаги. Большая часть изъ нихъ написана стенографическимъ шрифтомъ; но я вѣдь учился стенографіи. Что это черкъ Лабана?

Яковъ. Да.

Эрихъ (пряча бумаги въ карманъ, спокойно, но мрачно). Отецъ мой очень, очень одинокъ... (Кладя руку на плечо Якова, прислонившись къ столу.) Не будь тебя у насъ, мой вѣрный Яковъ, что стало бы съ моею молодостью. Какъ лелѣялъ ты мою мать, ты добрая душа! Какъ оберегалъ ты меня ото всего дурного, когда я былъ лишь жалкимъ растеньицемъ, не обросшимъ еще твердой корой. Мы будемъ и теперь служить опорой другъ другу.

Яковъ. Мы приучаемся жить потихонечку, дорогой мой Эрихъ. Двадцать семь лѣтъ служу я здѣсь домоправителемъ. Вотъ уже двадцать семь лѣтъ смотрю я на то, какъ они все ищутъ здѣсь живую душу. То небольшое доброе, что я могъ сдѣлать, приходилось мнѣ дѣлать потихоньку. Не то—они вѣдь осмѣяли бы меня.

Эрихъ. Не умаляй значенія этой тихой работы. Кто знаетъ, гдѣ и когда принесетъ плоды твой преданный трудъ? Ни одна былинка не пропадетъ даромъ во вселенной и ни одно доброе дѣло. Тогда—помнишь—я ушелъ отъ тебя въ слезахъ, а теперь, видишь, какимъ твердымъ я стою передъ тобой, мой старый наставникъ.

Яковъ. Да, Эрихъ, надо быть твердымъ. И не надо забывать вести задушевную бесѣду съ Богомъ—вотъ въ чемъ дѣло, дорогой мой. Посмотрите на эту лампу, Эрихъ. Изъ своего укромнаго уголка она вѣдь освѣщаетъ всю комнату, а сама стоитъ тихо, спокойно, ничѣмъ не смущаясь. Такъ и мы должны быть лампадами и проливать на все свѣтъ добрый... Часто припоминаю я слова Христовы: „Вы свѣтъ міру!“—Но вы говорили что-то о докторѣ Лабанѣ?

Эрихъ. Какъ относится онъ къ отцу? Честно, преданно, добросовѣстно?

Яковъ. Этотъ человѣкъ постоянно суетится, „Пикантно“—вотъ его любимое слово; насчетъ женщинъ—онъ неразборчивъ, надо всѣмъ смѣется—не знаю, есть ли для него что-либо святое. Вѣроятно, онъ человѣкъ дѣльный; но влияние его на господина профессора—не благотворное; онъ словно кнутомъ подгоняетъ его. Всякую, напечатанную въ газетахъ подлость онъ подчеркиваетъ синимъ карандашомъ и кладетъ ему на столъ. Господинъ профессоръ такъ и не выходитъ изъ возбужденнаго состоянія. А тотъ—потихоньку

раетъ себѣ руки и помогаетъ ему сочинять отвѣтныя статьи; это его забавляетъ. Сказать правду—вѣдь съ нимъ однимъ и можетъ лишь ужиться господинъ профессоръ—тотъ знаетъ, какъ къ нему приступить. Вѣдь противорѣчія—нашъ господинъ профессоръ—не выносить—вы сами это знаете. Человѣкъ съ характеромъ—врядъ ли ужился бы съ нашимъ господиномъ профессоромъ.

Эрихъ. Итакъ, онъ пишетъ въ газетахъ?

Яковъ. Да—какъ же.

Эрихъ. Позови его сюда, Яковъ (Садится къ столу и пишетъ.)

Яковъ. Онъ уже, вѣроятно, легъ спать. Онъ завтра рано уѣзжаетъ отсюда.

Эрихъ. Именно потому-то мнѣ его и надо.

Яковъ. А если сюда придетъ господинъ профессоръ?

Эрихъ. Наше съ нимъ дѣло будетъ скоро кончено.

(Яковъ уходитъ въ лабораторію; слышно какъ онъ стучится въ дверь Лабана).

Яковъ (за дверью). Господинъ докторъ, пожалуйста на минутку сюда. (Возвращаясь.) А мнѣ прикажете уйти?

Эрихъ. Нѣтъ—останься здѣсь.

(Входитъ Лабанъ, въ домашней курткѣ, безъ воротничка).

Лабанъ. Что вамъ угодно, господа? Уже поздно. Извините, я по-домашнему.

Эрихъ. Я долженъ предложить вамъ лишь одинъ вопросъ. (Показывая ему бумаги.) Это вы писали?

Лабанъ (видимо испуганный). Скажите!... Да, да—это несомнѣнной почеркъ.—Ахъ, да, теперь понимаю: это я выписалъ изъ газеты—одну пикантную статейку.—Такъ, такъ! Но къ чему такая торжественность? У васъ обоихъ такой озабоченный видъ, точно вы члены тайнаго суда... И обстановка подходящая.—Полночь, старый замокъ—тусклое освѣщеніе...

Эрихъ (пряча бумаги). Слѣдовательно, это вы писали; вотъ все, что я хотѣлъ знать.—Вы пишете статьи объ умственномъ разстройствѣ моего отца?

Лабанъ. Кто это говорить? (Якову.) Это вы шпионите?

Эрихъ. При этихъ рукописяхъ было письмо изъ редакціи, адресованное на ваше имя. Извините, что я принялъ все это за старья, забытыя бумаги... (Снова пряча бумаги, очень спокойно и рѣшительно.) Я долженъ нѣчто сказать вамъ, господинъ докторъ: я превосходно стрѣляю. Я попадаю въ птицу на лету, а не только что въ неподвижно стоящаго человѣка... Далѣе—такъ какъ подобный образъ дѣйствій противорѣчить, вѣроятно, вашимъ—да отчасти и моимъ воззрѣніямъ, то мускулы рукъ моихъ настолько хорошо

развиты, что (сдерживая съ трудомъ усиливающееся раздраженіе) для меня ничего не значитъ—въ особенности, когда я чѣмъ-либо раздраженъ—схватить за вѣртычъ воротъ человѣка вашего роста и перебросить его черезъ баллюстраду этого балкона—въ Рейнъ... а именно, въ эту минуту я такъ настроенъ.—Но я буду спокоенъ—вполнѣ спокоенъ... я ограничусь на этотъ разъ другимъ способомъ удовлетворенія. (Береть со стола листъ бумаги.) Вотъ письменное заявленіе, въ которомъ вы узнаете въ вашей безчестной измѣнѣ—и обязуетесь вашимъ словомъ—не сообщать болѣе ничего—ни теперь, ни впоследствии—о состояніи моего отца. Въ противномъ же случаѣ—ну, да — прочтите сами... Вы подпишитесь въ нашемъ присутствіи, подъ этимъ заявленіемъ. (Береть со стола перо.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (беря бумагу). Я, право, не понимаю... Въ силу чего?.. Въ интересахъ науки...

Эрихъ (вспыхивая). Которую вы опозорили!.. Не смѣйте проносить слово: наука!.. (Спокойнѣе.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (пожимая плечами). Ну, да, конечно—разъ употребляютъ нравственное насиліе. (Нехотя подписываетъ бумагу и бросаетъ затѣмъ перо).

Эрихъ (беретъ и прячетъ бумагу). Вы собираетесь увѣзжать завтра отсюда. Вамъ не трудно будетъ найти предлогъ для того, чтобы превратить временное отсутствіе ваше—въ постоянное. Отца моего нечего будетъ беспокоить всею этой исторіей. Покойной ночи.

(Лабанъ стоитъ съ минуту въ нерѣшимости; но видя, что на него не обращаютъ вниманія, уходитъ, пожимая плечами, черезъ лабораторію).

Эрихъ (съ облегченіемъ вадыхая, встряхиваетъ рукой, точно желая столкнуть съ нея нѣчто неприятое.) Который теперь часъ?

Яковъ. Остался еще часъ до Троицына дня.

Эрихъ. Троицынъ день! Праздникъ Святого Духа! (Открываетъ окно.) Какая благоуханная, майская ночь. Какъ все живетъ, дышитъ и цвѣтетъ вокругъ этой, увитой плющемъ, темницы. Земля усыпаетъ цвѣтами лоно свое; лозы, деревья, поля—все пышно распускается, стремясь къ небесному своду; Рейнъ струится въ царственномъ спокойствіи среди всей этой благодатной красоты!.. Яковъ, вѣдь это нашъ Рейнъ—наша жизнерадостная, родная рѣка, по которой я ребенкомъ катался въ лодкѣ съ моей матерью, слушая ея пѣсни о веснѣ и любви! Изодня въ день протекаетъ этотъ живительный потокъ—мимо ихъ оконъ... Какъ не выступить онъ изъ своего русла, не поднимется до нихъ—и не схватить этихъ людей за воротъ... Слушай! (Вдали слышны звуки арфы и пѣніе).

Кто это? Лорелея или Гильдегарда? Знаешь, что это значитъ— милый мой Яковъ? Это значитъ, что Гильдегарда поетъ моему отцу!.. Это значитъ, что отецъ мой хочетъ, чтобы она пѣла!.. Это значитъ, что моя Гильда...

Яковъ. Это значитъ, что мы должны ко всему поспокойнѣ относиться, мой пылкій Эрихъ! „Быть на все готовымъ“—говорила, бывало, всегда ваша покойница матушка. А теперь я пойду посмотрю, что дѣлають наши полуночники.

Эрихъ. Они идутъ сюда.

(Входитъ Профессоръ взволнованный; за нимъ съ разстроеннымъ лицомъ — Гильдегарда).

Профессоръ (бросая шляпу на столъ). А теперь — уходите отсюда—оставьте меня въ покоѣ!

Эрихъ. Я слышалъ—Гильдегарда пѣла.

Профессоръ. Уходите—говорю я вамъ!

Гильдегарда. Я не въ силахъ что-либо сдѣлать, Эрихъ!

Эрихъ. Оставь его на сегодня въ покоѣ, милая. — Доброй ночи, батюшка.—Пойдемъ. (Дѣлаетъ знакъ женѣ и Якову, чтобы они уходили).

Яковъ. Не желаете ли, чтобы я...

Профессоръ (сердито.) Убирайтесь все къ чорту! (Они уходятъ; онъ запираетъ за ними дверь.) Они поклялись отнять у меня мой миръ... Эта женщина хочетъ добиться этого своимъ пѣніемъ. Мнѣ дѣлается больно отъ этого пѣнія, какъ глазамъ дѣлается больно отъ дыма... И откуда взялся опять весь этотъ сбродъ—эти призраки, эльфы—все эти хоробы рейнскихъ русалокъ—мой здравый разсудокъ не въ силахъ со всемъ этимъ совладать... Я видѣлъ ясно:—тѣнь моей жены стояла среди кустовъ... все, все они заодно! Я же—(Смотритъ, крѣпко ли заперта дверь.) я стою одинъ противъ нихъ всехъ! (Замѣчаетъ букеты сирени.) Это, что это еще за дрянъ? (Выбрасываетъ ихъ на полъ, садится за столъ и перебираетъ книги.) Я гигантъ—въ странѣ этихъ лилипутовъ! Я выброшевъ на эту разслабленную звѣзду—изъ міра исполиновъ! Для чего я здѣсь? Для того ли, чтобы разгадать, наконецъ, послѣдъ тысячъ вѣковъ—тайну мірозданія? Она виситъ лишь на волоскѣ—сила моего ума разорвала завѣсу міровой тайны... Остается рѣшить лишь еще одинъ вопросъ—послѣдній вопросъ и тогда... я буду знать все! (Вскакиваетъ съ мѣста, потирая съ торжествомъ руки.) Я долженъ узнать еще лишь—(Поднимаетъ съ хитрымъ видомъ указательный палецъ.) откуда все—изъ грязи—или изъ свѣта?.. И еще я долженъ узнать: видѣлъ ли я уже, когда-то прежде—этихъ людей—тѣхъ, что все меня преслѣдуютъ?.. Если я уже прежде видѣлъ

ихъ, если я уже жилъ подъ другимъ именемъ... или подъ нѣсколькими именами—это безразлично—на этой землѣ, если это такъ—то я—лично я—бессмертное существо!.. Я пришелъ изъ невѣдомой сферы на эту землю, запутался въ паутинной сѣти этой земли — и не могу изъ нея выпутаться... Я тутъ роюсь, копаюсь, пытливо ищу чего-то — и не нахожу исхода — и погружаюсь все снова во тьму смерти, для того, чтобы снова возродившись — возвратиться опять сюда же!.. Однимъ словомъ: откуда все? Изъ грязи — или изъ свѣта? Я — и все современное человѣчество — рѣшили за грязь... (Тише.) Но повсюду чуются еще противорѣчія — рои духовъ витаютъ надъ землей — (Озираясь съ возрастающимъ страхомъ вокругъ.) Какое-то пѣніе звучитъ въ воздухѣ — что-то живетъ, дышитъ и цвѣтетъ вокругъ моей кельи... Какъ знать — какъ знать? Пока я, сидя здѣсь, все чего-то допытывался, надо всѣмъ издѣвался и все предавалъ поруганію — Истина прошла, быть-можетъ, мимо моихъ дверей... (Оттираетъ платкомъ лобъ.) Постойте — постойте! Кто это сказалъ — проходя мимо меня, такъ спокойно улыбаясь — и въ то же время такъ величаво строго — кто сказалъ: „Я, жизнь, я — Истина?“ (Ходитъ въ глубокомъ раздумьи по комнатѣ, волоча ноги и потирая руки, какъ Агасферъ; затѣмъ подходитъ къ шкафу съ библиотекой и начинаетъ хохотать.) Слова эти — самое пагубное изъ заблужденій, придуманныхъ лѣнью для того чтобы отвлекать людей отъ труда. Истина? — Вотъ здѣсь, въ этихъ 100,000 томахъ — вотъ гдѣ заключается истина! (Все сильнѣе волнуясь.) И трудись мы и допытывайся билліоны лѣтъ — въ нашихъ рукахъ окажутся все лишь одни обрывки знаній... Но въ этихъ поискахъ — наша сила; въ поглощеніи нами приобрѣтеннаго — наше наслажденіе... Знаніе — могущество! Мы рыщемъ какъ хищные звѣри по вселенной; мы пьемъ и не въ силахъ утолить нашу жажду — изъ ея источниковъ... Я захвачу — силой моего знанія — макрокосмъ, такъ же какъ схватываю рукой этотъ микрокосмъ. (Беретъ со стола черепъ.) Я выброшу солнце, если оно мнѣ не понравится, какъ выбрасываю въ Рейнъ — этотъ черепъ! (Бросаетъ черепъ за балюстраду балкона и бѣжитъ, торжествуя, за нимъ вслѣдъ.) Вотъ онъ ударился объ воду — кружится — тонетъ! Ха, ха, ха! Солнце умерло. А я? (Скрепциваетъ на груди руки.) Я стою здѣсь!.. На престолѣ земли!.. Да, я стою на скалѣ Лорелеи!.. Я!.. Неприкосновенный, несокрушимый, всемогущий!..

(Внезапно темнѣетъ; въ блѣдномъ свѣтѣ появляется въ окнѣ Лорелея (въ образѣ Гильдегарды) и медленно, съ угрозой, приподнимаетъ палецъ. Въ волосахъ у нея водяныя лиліи и рѣчная трава. Нѣсколько мгновений спустя, она исчезаетъ и становится попрежнему свѣтло.)

Профессоръ (въ испугѣ отшатнувшійся отъ видѣнія, приходитъ

въ себя, потирая лобъ). Это все галлюцинаціи — все галлюцинаціи! Это видѣніе произошло изъ моего черепа, такъ же какъ и всѣ эти рукописи... Или я не властенъ болѣе надъ этими галлюцинаціями?.. Развѣ я не властенъ надъ этими бумагами?.. (Внезапная мысль осѣняетъ его; онъ схватываетъ со стола бумаги, вытаскиваетъ ихъ изъ ящиковъ, бросаетъ въ печку и зажигаетъ.) Въ печь — всю премудрость, испещренную изъ моего мозга. Также сгоритъ въ печи вселенной вся премудрость земли, вся премудрость, выросшая изъ земного черепа, какъ выросли эти бумаги изъ моей головы; вся наука—всѣ людскіе вымыслы—всѣ они будутъ горѣть—а съ ними и самый упорный изъ вымысловъ—Богъ! Ха, ха, ха! Что тогда, госпожа Лорелея? (Стоитъ, скрестивъ съ вызывающимъ видомъ руки. Снова темнѣетъ. Лорелея снова показывается, грозитъ ему пальцемъ и исчезаетъ).

Профессоръ (подходить—погасивъ лампу—изнеможенный къ дивану). Не слѣдуетъ оставлять меня такъ — одного... Дѣло мое плохо... Они оставляютъ меня одного, съ этими призраками моего воображенія... Я весь разбитъ какъ вьючное животное... (Ложится, вздыхая, на диванъ.) Вся жизнь — передвиженіе. Но на мою долю выпало черезчуръ много передвиженія... Не надо объ этомъ говорить, но передвиженіе стало для меня мукой — невыразимой мукой!.. „Cor nostram inquitam est, donec requiescat in te“... Сердце наше безпокойно, пока не найдетъ успокоенія въ Тебѣ... Богъ мой!.. (Вздыхая.) Богъ?.. Бога нѣтъ болѣе... Итакъ, сердце наше никогда не найдетъ успокоенія... (Съ глубокимъ вздохомъ, какъ бы засыпая.) Не найдетъ—никогда—успокоенія.

(Лорелея снова появляется).

Лорелея (съ глубокой грустью, однозвучнымъ, призрачнымъ голосомъ). Въ послѣдній разъ подняли меня лучи луны съ темнаго дна Рейна. Печальная стою я на лунномъ лучѣ, привѣтствуя тебя въ послѣдній разъ!

Профессоръ (не измѣняя положенія, какъ бы во снѣ). Куда мамишь ты меня своей блѣдной рукой? Какъ тяжело спускаются къ волнамъ Рейна складки твоей влажной одежды! — Вокругъ лица твоего—рѣчныя лиліи.

Лорелея (глухимъ шопотомъ). Иди за мной!

Профессоръ (вздрагивая, шевелится на своемъ ложѣ, говоритъ нѣсколько громче). Къ смерти стремятся твои родныя волны; но напрасно ищутъ онѣ смерти въ безпредѣльномъ морѣ! Онѣ съ плачемъ возвращаются—дождевыми струями—снова сюда!

Лорелея (съ глубокимъ вздохомъ). Агасферъ! (Исчезаетъ).

Профессоръ (вскакиваетъ съ мѣста, громко крича). Агасферъ! Кто произнесъ сейчасъ это имя: Агасферъ? Кто это крикнулъ среди ночи—что я—Агасферъ?.. Я не Агасферъ! Я не хочу быть Агасферомъ!.. Ну-ка, покажите мнѣ, гдѣ тутъ Иерусалимъ?.. Гдѣ тутъ сіяетъ купола храма? Гдѣ дворець первосвященника?.. Гдѣ Никодимъ, Иоаннъ, Вероника?..

(Глубина сцены озаряется яркимъ свѣтомъ. Панорама Иерусалима. Никодимъ (Яковъ) стоитъ между Иоанномъ (Эрихъ) и Вероникой (Гильдегарда). Всѣ трое стоятъ, держась за руки, неподвижно и молча. Вдали слышна какъ бы зачарованная, однозвучная, восточная музыка, не смолкающая, пока не прекратится видѣніе).

Профессоръ (смотря на нихъ, не двигаясь и затаивъ дыханіе, начинаетъ медленно говорить). Это ты, Никодимъ, сосѣдь мой? Выли это—Иоаннъ и Вероника, дѣти мои?.. Отчего стоите вы такъ безмолвно—отчего лица ваши такъ полны печали?.. Или не находится уже болѣе словъ между мной и вами?.. (Съ глубокимъ чувствомъ.) Я хотѣлъ бы подойти къ вамъ—о милыя дѣти мои—потому что, видите ли, я искалъ васъ двѣ тысячи лѣтъ—и все не могъ найти! Но я не могу подойти къ вамъ—ноги мои такъ отяжелѣли, такъ отяжелѣли!.. Я прикованъ къ этому земному шару!.. Я не могу выпутаться изъ сѣти многихъ тысячъ земныхъ загадокъ!.. (Видѣніе блѣднѣетъ; онъ простираетъ къ нему руки.) Оставайтесь! Сжалитесь! Не оставляйте меня одного среди этой ночи!.. Дѣти мои! Неужели я долженъ жить, пока не разрушится этотъ міръ? (Внезапный мракъ. Онъ дико вскрикиваетъ.) Я не хочу жить! (Падаетъ безъ чувствъ).

За сценой слышно, какъ всѣ сбѣгаютъ; раздаются голоса Эриха и Якова. Сильный стукъ въ дверь).

Эрихъ (кричитъ за сценой). Батюшка!

Профессоръ (очнувшись, кричитъ внѣ себя). Я не хочу жить, не хочу!.. (Бѣжитъ къ балюстрадѣ балкона.)

Лабанъ (выбѣгая, обхватываетъ его вокругъ стана). Господинъ профессоръ, вѣдь тамъ, внизу, течетъ Рейнъ!

Профессоръ (въ безумной ярости). Я—Агасферъ! Срокъ мой опять миновалъ!—Бросимся туда! (Дико схватываетъ Лабана за воротъ.) Но завтра я снова возвращусь!—Я буду вѣчно возвращаться снова... Я—Агасферъ! (Бросается съ балкона, увлекая за собою Лабана. Крикъ Лабана „Помогите!“—замираетъ внизу.)

Эрихъ, Яковъ, Гильдегарда вбѣгаютъ, выломавъ, наконецъ, дверь, съ зажженными свѣчами, въ комнату, бѣгутъ на балконъ, заглядываютъ внизъ... Эрихъ и Гильдегарда рыдаютъ, обнимая другъ друга. Яковъ, стараясь ихъ успокоить, кладетъ руки на плеча ихъ обоихъ)

З а н а в ѣ с ь .

ХРОНИКА.

Въ дѣятельности заграничныхъ масонскихъ организацій наблюдается большое оживленіе. Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Парижа, отъ Великой французской ложи Grande Oriente, отправлялось чрезвычайное посольство къ нѣмецкимъ масонскимъ ложамя. Посольство имѣеть цѣлю: установленіе братскаго согласія между масонами нѣмецкими и французскими и, — какъ дальнѣйшее слѣдствіе — братскій союзъ между двумя народами и ликвидацію ихъ старыхъ счетовъ по поводу Эльзась-Лотарингіи.

Инициатива этого шага принадлежитъ, какъ сказано, Великой ложѣ французскаго масонства — Grand Oriente; это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться въ чистотѣ движенія. Какъ извѣстно, французское масонство уже давно сдѣлалось организаціею чисто политической, слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ политическая подкладка посольства — болѣе чѣмъ вѣроятна. Очень жаль если въ водоворотъ политики будетъ вовлечено и нѣмецкое масонство, которое пока еще хранитъ нѣкоторыя мистическія традиціи. Страннымъ образомъ совпадаетъ этотъ шагъ и съ моментомъ новой политической перегруппировки въ области международныхъ отношеній.

Объявлено временное „прекращеніе работъ“ азіатскихъ розенкрейцеровъ въ предѣлахъ Индіи и Америки съ тѣмъ, что члены капитула примкнутъ къ работамъ мистическихъ школъ и обществъ въ другихъ странахъ.

Открыты новыя ложи на территоріи Сербіи, Черногоріи и Болгаріи. Цѣль почти исключительно политическая: національное возрожденіе и союзъ родственныхъ славянскихъ племень.

Вышли 2-я, 3-я и 4-я книги новаго журнала „Вѣстникъ Теософіи“. Нумера журнала попрежнему даютъ массу цѣннаго матеріала, но немного сухи, догматичны и мало даютъ историческихъ данныхъ для сужденія о генезисѣ теософи-

ческаго движенія. Слишкомъ много переводныхъ статей Анны Безантъ и не удѣлено вниманія трудамъ прочихъ извѣстныхъ лидеровъ движенія—Синнета, Олькотта, Блавацкой и другихъ. Мы думаемъ что это не вполне правильный путь: главное г. Безантъ значеніе въ неутомимой и прямо колоссальной популяризаторской дѣятельности,—дѣятельности чисто ораторской; въ области же философскаго обоснованія теософіи заслуги г. Безантъ врядъ ли можно назвать слишкомъ крупными. Поэтому, думается намъ, не слѣдовало бы молодому журналу слишкомъ концентрировать свое вниманіе на лекціяхъ и рѣчахъ г-жи Безантъ. Необходимо давать исторію предмета, необходимо давать живую яркую картину всего движенія во всей его полнотѣ, а не отдѣльной только его вѣтви. Намъ будетъ очень жаль, если „Вѣстникъ Теософіи“, начавшій свою дѣятельность серьезнымъ выступленіемъ, навлечетъ на себя со стороны освѣдомленныхъ лицъ упрекъ въ узости и догматизмѣ.

Опытные сеансы графа Саракса, о которомъ было упомянуто въ прошломъ № нашего журнала, не состоялись. Обстоятельства складываются для г. Саракса неблагоприятно и общее мнѣніе окончательно склоняется къ объясненію таинственныхъ явленій, производимыхъ графомъ, его искусствомъ.

По слухамъ, г. Сараксъ намѣренъ выступить въ роли издателя какого-то новаго оккультическаго журнала.

Русское Спиритуалистическое Общество въ этомъ году намѣрено приступить къ предварительнымъ работамъ по организаціи 2-го Съѣзда спиритуалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами экспериментальной психологіи и психизма.

Москва. 31-го марта въ помѣщеніи Торговой школы на Петровкѣ состоялось годичное засѣданіе членовъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества, на которомъ были прочитаны слѣдующіе доклады: „Демоны въ представленіи древнихъ христіанъ и демоны въ современномъ представленіи“ (докладъ Сербова). Рефератъ труда профессора Тейхмюллера „О безмертіи“ (Б. И. Тайца) и „Чтеніе мыслей“ (П. А. Чистякова). При чтеніи послѣдняго доклада на экранѣ были демонстрированы посредствомъ волшебнаго фонаря многочисленныя діалозитивы и снимки съ телепатическихъ и внушенныхъ рисунковъ, полученныхъ выдающимися въ этой области изслѣдователями, при ихъ опытахъ. Несмотря на слишкомъ специаль-

ныя темы докладовъ и продолжительность засѣданія, длившася отъ 8 до 12 ч., вечера, посторонняя публика, собравшаяся въ количествѣ свыше 250 человекъ, не покидала зала засѣданія почти до самаго конца.

Религіозно-философское Общество имени В. С. Соловьева заплатило свою дань увлеченія событіямъ послѣднихъ лѣтъ и теперь, освободившись отъ боевой атмосферы христіанскаго социализма, вступило на новый путь углубленія религіознаго самосознанія и раскрытія христіанскихъ идеаловъ общественности, основанной на духѣ Евангелія.

Отъ души желаемъ успѣха Обществу, но желаемъ также, чтобы работа его была „въ духѣ и истинѣ“, ибо Духъ животворитъ, а не буква и не догматы.

29-го января с/г. г. Свенцицкій прочелъ въ Обществѣ рефератъ на тему „Міровое значеніе аскетическаго христіанства“. Желающіе могутъ ознакомиться съ этимъ рефератомъ изъ журнала „Живая Жизнь“, редакція котораго обѣщала этотъ рефератъ напечатать цѣликомъ.

Усиленное развитіе сектанства, совпавшее съ появленіемъ манифеста о религіозной свободѣ, принесло съ собою не одни только плоды здороваго раціонализма въ области религіозной свободы, но и много ядовитыхъ и нездоровыхъ проявленій.

Нашимъ читателямъ несомнѣнно извѣстны всѣ темныя отрицательныя стороны изуверской секты, именуемой себя „іоаннитами“, которая возникла на почвѣ обожествленія личности весьма популярнаго въ Россіи священника—Іоанна Кронштадтскаго. Для борьбы съ этой сектой и съ широко практикуемыми ею приѣмами хищенія и обмановъ образовалось общество подъ предсѣдательствомъ небезызвѣстнаго миссіонера свящ. Булгакова.

Въ то же время газеты приносятъ намъ извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ, по инициативѣ упомянутаго о. Іоанна Кронштадтскаго, организуется братство его же имени и онъ же избранъ и предсѣдателемъ братства; 16 января іоанниты на одномъ изъ собраній рѣшили просить о. Іоанна учредить знакъ братства съ портретомъ самаго о. Іоанна.

Между прочимъ, пишущій эти строки самъ лично видѣлъ въ началѣ 1905 г. кощунственное изображеніе Св. Троицы, которое у іоаннитовъ почитается наравнѣ съ иконами. На этой картинѣ изображенъ Богъ-Отецъ въ видѣ почтеннаго старца, надъ головою Котораго рѣшетъ Св. Духъ въ

видѣ голубя, а на колѣняхъ этотъ старецъ держитъ поясной портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, т.-е. Бога-сына во второмъ воплощеніи.

Успѣхъ этой картины, безнаказанность темной дѣятельности секты, снисходительное отношеніе популярнаго пастыря къ сектѣ, позорящей его имя—все это наводитъ на грустныя мысли. Неужели процессъ разложенія религіознаго самосознанія захватываетъ собою не только рядовыхъ сыновъ церкви, но и выдающихся ея представителей? Страшное время!

2 мая, въ помѣщеніи Московскаго Археологическаго Института состоялся докладъ г-жи Т. О. Соколовской по исторіи русскаго масонства. Докладъ нельзя не признать интереснымъ и несомнѣнно, что большая публика, не ознакомленная съ вопросомъ, вынесла довольно цѣльное и связанное впечатленіе. Считаемо долгомъ выразить живѣйшую признательность г-жѣ Соколовской, которая въ литературной изящной и сжатой формѣ познакомила собравшихся съ нѣкоторыми матеріалами по исторіи новѣйшаго масонства. Привѣтствуемъ благой починъ и, отдавая дань уваженія талантливой докладчицѣ, надѣмся, что затронутый ею вопросъ она будетъ разрабатывать и далѣе. Послѣ доклада были демонстрированы черезъ проекціонный фонарь многочисленныя художественно исполненныя діапозитивныя снимки съ масонскихъ орденовъ, знаковъ и т. п. ритуальныхъ предметовъ.

Изъ области науки.

Знаменитый химикъ Рамзай, неутомимо занимающійся изслѣдованіемъ дивныхъ свойствъ новооткрытаго химическаго вещества—радія,—натолкнулся на поразительнѣйшій фактъ превращенія металловъ одного въ другой подъ вліяніемъ тѣхъ невѣсомыхъ эманаций, которыя испускаются радіемъ.

Это явленіе—явленіе трансмутации металловъ—составляющее одну изъ величайшихъ проблемъ алхиміи, какъ древней такъ и современной, ставитъ передъ нашей официальной наукой вопросъ: дѣйствительно ли неизмѣнны и постоянны химическіе элементы и дѣйствительно ли ошибались алхимики, утверждавшіе возможность превращенія веществъ (въ частности металловъ) одного въ другое?

Вотъ какой отвѣтъ, конечно, далеко еще пока неполный, даютъ на этотъ вопросъ опыты Рамзая.

Эманация радія, приведеннаго въ газообразное состояніе, какъ уже извѣстно, превращается въ газъ гелій, котораго на земномъ шарѣ въ чистомъ видѣ не имѣется.

Затѣмъ когда Рамзай взялъ растворъ абсолютно (химически) чистаго мѣднаго купороса и, введя въ него эманации радія, запаялъ сосудъ, содержащій сказанный растворъ, то по истеченіи мѣсяца твердый осадокъ отъ этой жидкости обработанной и очищенной содержалъ въ себѣ... новую составную часть—литій, ясно обнаружившуюся при спектральномъ анализѣ.

Таковъ фактъ! Само собою разумѣется, что опытъ этотъ Рамзаемъ былъ тщательнѣйшимъ образомъ и неоднократно повторенъ и провѣренъ, кромѣ того, и самое имя знаменитаго химика служить вполне достаточною гарантіею того, что никакой не ошибки здѣсь не произошло.

Дальнѣйшіе опыты Рамзая обнаружили, что азотно-кислый торій при дѣйствиі радіевой эманациі также превращается въ угольную кислоту.

Сама эманациа въ присутствіи воздуха переходитъ въ гелий, въ присутствіи воды переходитъ въ неонъ, а въ соляныхъ растворахъ—въ аргонъ.

Вотъ интересные факты, съ подробнымъ описаніемъ которыхъ интересующіеся могутъ ознакомиться изъ осенней 1907 г. книги англійскаго „Journal of the Chemical Society“, а въ ближайшей книжкѣ должна появиться обѣщанная Рамзая и вторая статья его по этому вопросу.

Кстати разъ зашелъ разговоръ о радіи. По примѣру Парижа и у насъ уже начались опыты надъ вліяніемъ радія на корунды, которые благодаря лучамъ радія превращаются въ болѣе драгоцѣнныя породы—въ топазы и сапфиры.

Опыты надъ корундами пока еще въ начальной стадіи и результаты ихъ не особенно интенсивны, но, во всякомъ случаѣ, настолько интересны и такъ многообѣщающи, что побуждаютъ къ дальнѣйшимъ серьезнымъ трудамъ въ этомъ направленіи.

Слѣдующая за этими листами статья
имѣетъ отдѣльную нумерацію страницъ
и можетъ быть вынута изъ книги для
помѣщенія въ отдѣльный переплетъ.

Официалн. Ред.-издатель П. А. Чистяковъ.

Второе отдѣленіе.

Естественно-историческая и философская система „Золотой цѣпи Гомера“.

„Непостижимый Богъ создалъ все по своей *воли* изъ ничего *). Ибо онъ рѣшилъ и пожелалъ и изрекъ священное и сильное Слово: „Fiat“, которое стало безконечнымъ паромъ, туманомъ, дымомъ. Паръ этотъ развивался и сгущался, благодаря постоянному нарастанію, и обращался въ *хаотическую жидкость*. Это та жид-

*) Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ „первоначальномъ“ „ничто“ изъ котораго Богъ еще *до видимаго* міра создалъ *невидимый*, т.-е. говорится не о такъ называемомъ „первомъ созданіи“, но о „второмъ“, — о томъ, которое Богъ создалъ изъ первоначальнаго „ничто“, т.-е. изъ хаотической жидкости. Это второе твореніе—по мистическому ученію—не имѣло бы мѣста, если бы не цаль Люциферъ; точно такъ же какъ и Христосъ не пришелъ бы, если бы Адамъ не согрѣшилъ. Позитивное „ничто“ второго творенія есть „ничто“ только съ формальной стороны; оно символизируетъ невидимый хаосъ. Розенкрейперы сравниваютъ очень удачно это второе „ничто“ съ чернилами въ чернильницѣ: „чернила въ чернильницѣ можно назвать относительнымъ „ничто“, въ томъ смыслѣ, что они сами по себѣ не составляютъ ни буквъ, ни цифръ, ни точекъ, ни словъ, ни чиселъ, ни рѣчей, ни счетовъ, ни фигуръ *дѣйствительныхъ*, а только заключаютъ въ себѣ *возможность* ихъ изображенія при помощи творческой руки писателя, который творитъ все это своими начертаніями. Изъ этого примѣра ясно вытекаетъ, что Творецъ стоитъ *внѣ* творенія, подобно тому, какъ писатель стоитъ внѣ чернильницы. Только посредствомъ акта творчества сходятъ сверху внизъ „тихіе лучи божественной свѣтлой влаги“, они сходятъ *извнѣ*. Богъ погружаетъ свой „духъ“ или своего двигателя въ хаосъ тоже *извнѣ*, чтобы открыть его міру такъ точно, какъ иступаетъ писатель, погружая свое перо (какъ выразителя своей мысли) въ чернила.—Вспомнимъ при этомъ, что, по ученію мистиковъ, не только актъ творчества является актомъ *извнѣ* приходящимъ, но также и „наитіе“ или „внутреннее освѣщеніе“ приходятъ „сверху внизъ“, т.-е. *извнѣ*, и что всякое истинное открытіе есть „вдохновеніе“; дальѣ, что никакое спасеніе невозможно при помощи „собственнаго я“, но исключительно при помощи божественнаго я, т.-е. милости неба, слѣдовательно опять-таки *извнѣ* и т. д. Вспомнивъ все это, мы увидимъ, что *какъ крайняя мистика, такъ и крайняя механика разсуждаютъ аналогичнымъ путемъ и оперируютъ съ тѣми же понятіями* (алломатическими). Но дальнѣйшую связь между мистикой и механикой мы пояснимъ дальше.

кость, изъ которой созданъ весь огромный міръ со всѣми его обитателями; это та жидкость, „изъ которой Богъ создалъ всѣ естественныя и сверхъестественныя вещи; она же первоначальная и первопричинная ткань всѣхъ вещей, до насъ бывшихъ и послѣ насъ будущихъ“. Начало же ея въ самомъ Богѣ и въ исшедшемъ отъ него Словѣ, ибо Слово это—Духъ, исполненный Силы. Духъ этотъ обращается въ видимый и постижимый паръ или туманъ, а этотъ послѣдній—въ воду. Здѣсь мы заключили двѣ вещи въ одну: видимую, т.-е. воду, и невидимую, т.-е. духъ, заключенный въ той же водѣ. Вода есть субъектъ, т.-е. тѣло, обиталище, инструментъ; духъ есть дѣятель, мировая энергія, душа, вѣчно дѣйствующій духъ Божій, всемірное сѣмя (sperma universi), истинный агентъ, кузнецъ всѣхъ естественныхъ вещей“.

Изъ „единого“ хаоса (несмотря на его двойственную природу) возникаетъ міръ путемъ постепенной дифференціаціи. Отъ хаоса до человѣка ведутъ безконечныя ступени, различаемыя по степени ихъ „количественной“ дифференціаціи. Выдѣлять ихъ различіе, подраздѣлять ихъ—дѣло „художника“. Но и въ этомъ существуютъ уже извѣстныя общепринятые правила.

Возьмите песокъ и воду; взболтайте ихъ вмѣстѣ въ стеклянномъ сосудѣ хорошенько и оставьте. Черезъ нѣкоторое время „грубое“ или „стойкое“—„alcali“—осядетъ на днѣ; въ то же время „тонкое“, „летучее“, „легкое“—„меркурій“—останется вверху. Между низомъ и верхомъ цѣлый рядъ переходовъ. Отдѣливъ искусственно эти переходныя ступени одну отъ другой, надо дать имъ „названія“, чтобы не перемѣшать ихъ при обратномъ дѣйствіи—синтезѣ. То же происходитъ съ образованіемъ степеней дифференціаціи хаотической жидкости.

Единый хаосъ можно подраздѣлять на двѣ части (nitrum и sal), на три (Mercur, sulfur, sal), на четыре (небо, воздухъ, вода, земля) и на нѣсколько (напр., семь); но надо только помнить: 1) что всѣ эти части первоначально и по существу составляютъ одно и 2) что онѣ не отдѣлены одна отъ другой перегородками и не координированы, а подчинены одна другой. Такъ, на примѣръ, три начала: ртуть, сѣра и соль не равносильны, но различны по ступени историческаго развитія; изъ ртути возникаетъ сѣра, изъ сѣры—соль и наоборотъ. Также и среди четырехъ элементовъ: изъ неба возникаетъ воздухъ, изъ воздуха—вода, изъ воды—

земля и обратно. Наконецъ, также постепенно возникаютъ минералы, растенія, животныя, которые различаются между собой не существенно, а „случайно“, т.-е. по степени развитія — не качественно, а количественно. Все по сущности едино, идентично въ принципъ. Каждая вещь представляетъ собою какую-нибудь степень готовности первобытной жидкости.

За дифференціаціей созданій слѣдуетъ ихъ интеграція. Природа доводитъ эту интеграцію только до извѣстнаго пункта, — сообразно своей временной цѣли поддержанія и размноженія твореній, — до состоянія „сѣмени“, до слизисто-студенистаго агрегата или отвердѣнія. Искусство же должно итти дальше, разлагая тѣла до состоянія „мірового сѣмени“, т.-е. „хаоса“, чтобы затѣмъ соединить, сконцентрировать этотъ хаосъ до состоянія твердаго „стекла“. Земля въ послѣдствіи будетъ доведена до состоянія стеклянной массы; но (кристаллически) пока дѣло еще не дошло до этого; задача художника — умѣть въ частныхъ случаяхъ заканчивать этотъ великій процессъ.

Соединивъ, сплотивъ *всѣ* разъединенныя ступени сгущенія, „художникъ“ *получаетъ снова хаосъ*. Онъ достигаетъ такимъ образомъ „возрожденія хаоса“, т.-е. *квинтъ-эссенціи міра*, которая для него, какъ мы дальше увидимъ, имѣетъ огромную цѣнность.

Чтобы понять нѣсколько всѣ эти *механическія* процедуры („механическія“, вопреки опредѣленію Розенкрейцеровъ), мы здѣсь должны оговориться. Для болѣе яснаго пониманія ихъ надо имѣть въ виду слѣдующее.

Главнымъ образомъ, надо научиться разбираться въ различныхъ родахъ „воды“ (жидкости).

Прежде всего встрѣчаемъ мы хаотическую воду (I), которую „нашъ древній греческій братъ Фалесъ“, какъ посвященный въ египетскія тайныя науки, считалъ первопричиной всѣхъ созданныхъ вещей. Символь ея такой \oplus .

Эта первичная вода состоитъ изъ двухъ факторовъ нераздѣлимыхъ: изъ духа и воды. Какъ факторъ хаоса, эта вторая *духовная вода* (II) обозначается символомъ \ominus ; духъ же символомъ \odot , что въ соединеніи и даетъ символъ \oplus .

Третій родъ воды есть *элементарная вода* (III) съ символомъ ∇ , которая въ соединеніи съ своимъ противовѣсомъ небеснымъ — огнемъ \triangle даетъ \star .

Наконецъ, есть еще *обыкновенная вода* (IV); роса, дождь, снѣгъ, градъ, иней... съ символомъ ∇ . Эта вода представляетъ, какъ увидимъ, лучший сырой материалъ для художника“ для получения камня жизни и квинтъ-эссенціи жизни. Она называется поэтому „возрожденнымъ хаосомъ“, мировымъ главнымъ сѣменемъ, микрокосмомъ.

Автора „Золотой цѣпи Гомера“ можно было бы назвать философъ воды ¹⁾, ибо между его I водой и IV лежитъ вся его система, вся его теорія и практика, т.-е. ученіе его о *созиданіи* вещей (I часть книги „De generatione rerum“) съ одной стороны и объ *раствореніи* ихъ съ другой (II часть книги: De corruptione rerum et anatomia earum“).

Природа выходитъ изъ хаоса, формируя его, т.-е. образуя естественныя творенія; нѣкоторыя же снова растворяетъ, возвращая въ первоначальный хаосъ. Путь этотъ долгій и еще не законченный.

„Художникъ“ идетъ обратнымъ путемъ. Исходя изъ естественныхъ вещей (въ которыхъ заключается *materia prima*), онъ растворяетъ ихъ (при помощи химіи), снова соединяетъ, отдѣляетъ отъ ихъ сущности, откуда получаетъ снова хаосъ. Количественно различныя распаденія онъ снова соединяетъ и комбинируетъ, получая такимъ образомъ „камень“ (*lapis philosophorum*), при помощи котораго онъ можетъ лѣчить людей и металлы.

Отсюда: *Solve et coagula!* т.-е. сперва до конца раздѣли, а потомъ составляй вновь. И „*fac volatile fixum et fac fixum volatile!*“, т.-е. сперва обрати твердое въ летучее, въ хаосъ и затѣмъ создай снова „*Chaos regeneratum*“ до степени „камня“.

„Но говорю вамъ: кто хочетъ получить такое божественное знаніе, тотъ *долженъ начать съ земли* (т.-е. снизу, отъ твер-

¹⁾ То, что здѣсь говорится о водѣ, относится также къ „свѣту“, т.-е. огню, небу, ртути, купоросу, солямъ и т. д. существуютъ различные виды каждаго изъ этихъ предметовъ и съ этими видами надо ознакомиться для пониманія герметической литературы. Пока читатель не сдѣлаетъ этого, онъ будетъ пребывать въ туманѣ, смѣшивая между собой различныя значенія одного и того же опредѣленія (названія) автора. Вина въ этомъ будетъ лежать исключительно на читателѣ. Точно такъ же, если бы мы разбিরались въ различныя значенія „свѣта“ у Моисея, мы не получили бы никакихъ анахронизмовъ и противорѣчій, но это между прочимъ.

даго) и только отъ нея и черезъ познаніе ея подняться къ небу (т.-е. къ верху, къ воздушному), со ступени на ступень. Здѣсь надо помнить слова Христа, который говорилъ: „Вы, не понимающіе земнаго, какъ хотите вы понять небесное?“

„Небо превращается въ землю, воздухъ въ воду, земля въ небо и вода въ воздухъ и все это составляетъ Aurea Catena Homeri, Annulus Platonis, Superius et Inferius Hermetis, высшее и низшее и нѣтъ различія въ матеріи, кромѣ различія градаций. Земля есть твердое небо, небо есть летучая земля, воздухъ—разрѣженная вода, вода—сгущенный воздухъ. Отсюда ясно, что одно отъ другого отличается только степенью твердости или воздушности, жидкости и сгущенія. И какъ воздушное превращено было въ твердое, такъ твердое обратится въ воздушное, сгущенное обратится въ разрѣженное, такъ какъ одно есть степень превращенія другого и вмѣстѣ съ тѣмъ—то же самое, чѣмъ оно было въ началѣ, т.-е. первоначальная матерія вещей.

„Если это недостаточно основательно — (говорятъ издатели книги 1781 года)—ясно, точно и отчетливо выраженная философія природы, то мы не знаемъ, гдѣ искать ея болѣе основательной, ясной, точной и естественной философіи вещей“.

Третье отдѣленіе

Конечная цѣль „Золотой цѣпи“.

„То, что природа начала и не закончила, предоставлено заканчивать человѣку“; „что природа создала временнымъ, то художникъ“ долженъ сдѣлать прочнымъ; изъ сырого матеріала создать законченное твореніе и найти „квинтъ-эссенцію“ подготовленной природою матеріала“. „Но „художникъ“ долженъ умѣть согласовать конечныя цѣли природы и искусства. Природѣ не зачѣмъ чрезмерно разрушать тѣла растительныя и животныя; достаточно, если распаденіе ихъ выразится въ состояніи соляной, главной сѣменной водянистой жидкости—пригодномъ для воспроизведенія другого подобнаго же существа; но у природы нѣтъ того могущества, которое необходимо для созданія *квинтъ-эссенціи* ро-

ваннаго и вѣчно-прославляемаго тѣла, нетлѣннаго по существу, это дѣло искусства; таковы всѣ кристаллическія тѣла, которыя болѣе прочны, чѣмъ золото и серебро“. Художникъ же долженъ добиваться возрожденія въ состояніе пятого, стойкаго, безсмертнаго, самаго прочнаго, каменнаго, прозрачнаго и просвѣтленнаго существа—всепроницающаго духа, быстро дѣйствующаго, такъ какъ человѣкъ не долговѣченъ. Вещество это или духъ долженъ спастись все живущее отъ излишней вредной сырости; оно должно быть приведено въ твердое, солеподобное, легко растворимое состояніе, чтобы, будучи принято внутрь тѣла, легко проникало бы въ него и пропитывало бы его, какъ дымъ напитываетъ воздухъ; это лѣкарство должно распространяться по всему тѣлу отъ желудка до крайнихъ точекъ конечностей, дабы могло получиться полное излѣченіе болѣзней. Тогда укрѣпится „жизненный духъ“ („духъ жизни“, „животная сила“) во всѣхъ членахъ и такимъ путемъ природа сама придетъ себѣ на помощь: *ибо большая природа или поврежденный Археусъ*) нуждается только въ подмогъ, въ подкрѣпленіи*, чтобы преодолѣть болѣзни и побѣдить ихъ; онъ поэтому ждетъ покорно, пока придетъ эта помощь, чтобы оказать съ ней вмѣстѣ сопротивленіе врагу. *Получивъ ее, Археусъ собираетъ всѣ неповрежденныя еще естественныя силы и съ ними вмѣстѣ выступаетъ навстрѣчу болѣзни*. Начинается споръ, длящійся до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не будетъ побѣждена. Онъ же какъ побѣдитель снова воцаряется, пока не придетъ въ прежнее состояніе. *И ученый врачъ хорошио понимаетъ, что природа нуждается только въ подкрѣпленіи, при помощи котораго она уже сама справится съ болѣзнію и поможетъ себѣ, „чтобы получить такое укрѣпляющее средство, не можетъ быть лучшаго способа какъ возрожденіе въ пятомъ существѣ для полученія очищеннаго, стойкаго и все же духовнаго лѣкарства“*.

Чѣмъ болѣе *сосредоточенъ* духъ или вода, тѣмъ большую силу онъ пріобрѣтаетъ. Если бы онъ въ своемъ наибольшемъ разрѣженіи въ видѣ росы или дождя имѣлъ бы силу наибольшаго сосредоточенія, какъ въ золотѣ или философскомъ карбункулѣ, тогда дождевая вода сдѣлалась бы всеобщимъ лѣкарствомъ въ сы-

*) Археусъ ничто иное, какъ общая міровая душа, создающая въ человѣкѣ начало жизни и управляющая всѣми отправлениями его.

ромъ, необработанномъ видѣ, и человечеству не представлялось бы больше нужды производить химическія распаденія индивидуумовъ и перегонять ихъ въ пятое состояніе или—Магистеріумъ. Но духъ не обладаетъ такой силой въ состояніи росы или дождя, что Гермесь *) и выражаетъ въ словахъ: *Vis ejus integra est, si versa fuerit in terram*—т.-е. его сила совершенна, когда онъ обращенъ въ землю (т.-е. въ сухое крѣпкое тѣло). Поэтому слѣдуетъ собирать, концентрировать, упрочивать разъединенный духъ и воду, чтобы благодаря этому получилась сила сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ. „То, что въ природѣ временно, ядовито, не обработано — художникъ долженъ закрѣпить“. Извѣстно, что всѣ минеральные, растительные и животныя яды большею частью — въ летучемъ, сыромъ и непрочномъ видѣ; превратившись же въ стойкія вещества, они перестаютъ быть ядами, а становятся противоядіемъ и *лучшимъ укрѣпляющимъ сердце лѣкарствомъ*.

„Тогда (т.-е. по окончаніи химическихъ операцій для получения философскаго камня и всеобщаго лѣкарства) разбей свою колбу, вынь оттуда пятое вещество, помѣсти его въ коробку изъ буксоваго дерева и носи съ собой, въ сухомъ видѣ, по всему свѣту. Когда тебѣ надо будетъ употреблять его, то *возьми нѣсколько гранъ*, разбавь въ водѣ или винѣ изъ ближайшей аптеки; оно растаетъ, какъ сахаръ или ледъ. Тогда давай его и измѣрай его дѣйствіе“.

Это общее главное лѣкарство, 1, 2, 3—до 6 гранъ котораго излѣчиваютъ съ корнемъ все болѣзни и представляютъ собой—естественный животный и жизненный духъ и полный животный жизненный бальзамъ. Тѣ, кто не признаютъ общаго лѣкарства—станутъ смѣяться, считая это вздоромъ и нелѣпостью. Но истинныхъ герметическихъ врачей это нимало не смущаетъ, ибо они черпаютъ свое знаніе изъ вѣками міровой мудрости. Они знаютъ, что *все болѣзни происходятъ отъ одной основной причины, а именно отъ ослабленной или прерванной дѣятельности Археуса или духа жизни; въ сказанномъ же лѣкарствѣ является тотчасъ существенное вспомогательное средство для возстановленія его дѣятельности и для возможнаго исцѣленія*.

*) Смарагд., табл.

На это „врачи - механики“ опять улыбнутся насмѣшливо и скажутъ: „Этотъ господинъ хочетъ откопать давно погребенное ученѣе о всемірномъ лѣкарствѣ, но мы вѣдь знаемъ, что оно не имѣетъ подъ собой почвы. Помощью анатоміи мы дошли до полного убѣжденія, что тѣло человѣка можетъ быть уподоблено часовому механизму. На этой точкѣ зрѣнія должно стоять и лѣченіе его: когда колесики и пружины часовъ слишкомъ туги, надо возвратить имъ эластичность и гибкость соответственными средствами; если же они слишкомъ слабы и потеряли свой тонусъ, то надо ихъ укрѣпить; но двѣ разнородныя болѣзни не могутъ быть излѣчены одинаковымъ лѣкарствомъ; поэтому универсальное лѣкарство — нелѣпность“.

„Если бы эти господа могли подобно намъ убѣдиться тысячелѣтнимъ опытомъ, что *духъ одинъ, что онъ пребываетъ какъ въ верхнемъ, такъ въ нижнемъ, что онъ непрерывно разрушаетъ и непрерывно созидаетъ*, то они измѣнили бы свой взглядъ на это дѣло и принялись бы прилежно изучать *этотъ общій духъ природы*; и какъ на единственное достовѣрное естественно-историческое изслѣдованіе, они обратили бы вниманіе на „Золотую цѣпь“; они постарались бы добыть этотъ духъ въ его обиталищѣ хаотической жидкости, связать его и сдѣлать приемлемымъ для человѣческаго организма. Тогда они достигли бы настоящаго медицинскаго знанія и оставили бы свою домашнюю философію безъ огорченія. Но они— противники духовнаго вещества, какъ въ общественномъ, такъ и въ физическомъ смыслѣ; и потому они остаются при своихъ заблужденіяхъ; этимъ они конечно, избавляютъ, себя отъ лишней работы, но зато и лишаются всякой силы излѣченія болѣзней“ (примѣчаніе Розенкрейцеровъ).

Послѣ всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что конечная цѣль перваго автора „Золотой цѣпи“, а также и всего „общества истинныхъ естествоиспытателей“ состоитъ въ томъ, чтобы *найти теоретическое основаніе и практическое осуществленіе идеи универсальнаго средства отъ всѣхъ болѣзней*.

Возрожденный хаосъ долженъ былъ лѣчить не только людей, но и незаконченные, сырые, *неблагородные металлы*. Другими словами, *Aurea Catena въ конечной цѣли добывается того же, что и всѣ алхимическія книги*—нахожденія химическаго препарата, могущаго одновременно дать богатство и здоровье. Наша

книга отличается отъ обыкновенныхъ алхимическихъ книгъ тѣмъ, что ея главное содержаніе—есть ученіе, въ основаніи котораго лежитъ нахожденіе *только лѣкарства* для людей и металловъ; она считаетъ это возможнымъ и необходимымъ.

Всѣ же философско-космогоническія теоріи уходятъ такъ далеко въ глубь, что забываютъ о главной цѣли. Таковы, напр., ученые въ родѣ Германа Коппа. Что дѣло идетъ о лѣкарствѣ для людей, онъ даже не упоминаетъ (ни въ своей „Aurea Catena Nomeri“ 1880, ни въ „Алхиміи“ 1886), а мысль о лѣкарствѣ для металловъ, т.-е. о трансмутациі ихъ въ золото, онъ даже оспариваетъ. Онъ заявляетъ также, что примѣчанія Розенкрейцеровъ только затемняютъ мысль книги (что не вѣрно) и что предпринятый имъ опытъ передачи содержанія „А. С. Н.“ оставляетъ его самого неудовлетвореннымъ“.

Хотя идея лѣкарства для людей здѣсь старательно обходится, но тѣмъ не менѣе она существуетъ, какъ показываютъ наши цитаты. Эта игра въ прятки съ идеей лѣкарства для металловъ идетъ еще дальше. Вопросъ о ней ясно поставленъ, но мы его не замѣчаемъ, пока не можемъ устремить наше вниманіе на него. Въ томъ-то и трудность чтенія и пониманія герметической литературы, что сперва не знаешь, на что намекаетъ и къ чему ведетъ авторъ. Но разъ найденъ ключъ—или гвоздь,—тогда всѣ эти книги теряютъ свою кажущуюся неясность. Нашедши этотъ „гвоздь“, надо уже не упускать его изъ виду, чтобы снова не запутаться въ умышленныхъ хитросплетеніяхъ автора. Что же касается „А. С. Н.“, то въ ней такой пріемъ отсутствуетъ совершенно. Здѣсь все ясно и безъ противорѣчій, (откуда не слѣдуетъ, конечно, что все сказано въ ней правильно и дѣйствительно).

Двойная алхимическая цѣль этой книги выясняется уже изъ приведеннаго вначалѣ поясняющаго стихотворенія.

Когда благородное сѣмя отвердѣть,
Парь и вода обратятся въ землю,
Тогда достигнется вполнѣ то,
Что весь міръ выше всего цѣнить.
Отвердѣть должно воздушное,
Изъ воды и пара вернуться въ землю
И обратиться въ сухую красную кровь,

Это сокровище и высшее благо міра,
Совершенное совершенство,
Которое гонить прочь бѣдность и болѣзнь.

„Если оно обращаетъ элементы одни въ другой: небо и огонь въ воздухъ, воздухъ въ воду и воду въ землю и обратно, то и металлы, отъ нихъ рожденные, должны быть легко обрацаемы одинъ въ другой, ибо вся разница между ними только въ степени стойкости и отвердѣнія“. Далѣе, Коппъ противорѣчитъ самъ себѣ, оспаривая идею трансмутаци металловъ; онъ говоритъ: „Такія превращенія я готовъ здѣсь допустить, но не между металлами (напр., — превращеніе мѣди или свинца въ золото); я допускаю, что природа можетъ производить перерожденія минераловъ въ растенія, а растеній—въ животныя“. Но Коппъ, очевидно, упустилъ изъ вниманія слѣдующую же страницу, которая гласитъ, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы „всѣ металлы“ обратить въ золото, „а только ихъ чистыя меркуріальныя части“. Но перипатетикъ скажетъ на это: „Аналитики не такъ должны понимать процессъ растворенія; послѣднее должно при помощи тинктуры обращать всѣ различные металлы непосредственно въ золото и серебро“. Такой спорщикъ не понимаетъ природы минераловъ; въ противномъ случаѣ онъ разсуждалъ бы иначе. *Ибо тинктура можетъ воздѣйствовать не на весь минералъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ растетъ въ рудникахъ, а только на его чистѣйшую меркуріальную составную часть*, которая освобождается отъ всякихъ шлаковъ сильнымъ огнемъ. Ибо всѣ ученые знаютъ, что мудрецы не берутъ руду изъ земли, чтобы обливать своей тинктурой, но сперва отдѣляютъ отъ нея огнемъ сырыя части, легко тлѣющія, потомъ сѣру, мышьякъ и т. д., пока не останется чистое зерно металла.

Его-то и подвергаютъ мудрецы дѣйствию своей готовой тинктуры, превращая въ высшее, т.-е. въ золото и серебро, и такое превращеніе смѣло можетъ быть названо леченіемъ болѣзни металла.

Свинцу приписываютъ меланхолію, цинку—судороги, желѣзу—желчь и горечь, мѣди—возбудимость печени, ртути—падучую болѣзнь, серебру—водянку. Такія болѣзни (металловъ) излѣчиваются лѣкарствами (тинктура или возрожденный хаосъ), путемъ обращенія металловъ въ соотвѣтствующую свѣтлую породу (т. е. приводя

больные и неблагородные металлы въ золото). Къ этому Розенкрейцеры дѣлають слѣдующее примѣчаніе: „Откуда происходитъ то, что когда эти металлы возвышены въ соотвѣтственную степень и освобождены отъ приросшихъ къ нимъ пороковъ, они получаютъ силу излѣчивать въ человѣкѣ тѣ же болѣзни, которыми они, будучи металлами, болѣли сами“.

„Всѣ люди произошли отъ сѣмени одного совершеннаго чистаго человѣка, но различаются другъ отъ друга видомъ, сложениемъ, свойствами, болѣзнями и другими случайными различіями, и никогда два человѣка не бывають сходны въ строеніи тѣла, ни въ стремленіяхъ чувствъ. Подобно этому и металлы, происходя отъ одного сѣмени, отъ общей кислоты (Acidum *) принимаютъ различные облики въ зависимости отъ степени образованія вещества. Всѣ они металлы отъ одного сѣмени, отъ одного металла, но случайное (количественное) различіе раздѣляетъ ихъ, какъ и людей. Такъ, одинъ является меланхоликомъ другой—сангвиникомъ, третій флегматикомъ, четвертый—холерикомъ; у пятого больше одного качества и меньше другого. Такъ, свинецъ—меланхоличенъ, серебро флегматично, желѣзо—холерично, мѣдь—сангвинична; такіе металлы нуждаются въ смягчающемъ лѣкарствѣ, чтобы перейти въ солнечную матерію (золото), т. е. возвыситься въ совершенное состояніе своей природы при помощи искусства. *Этимъ искусствомъ занимаются философы, которые лѣчатъ уже очищенные металлы; но не обращаютъ минераловъ въ золото и серебро.*

Такъ дѣло обстоитъ съ металлами и минералами; *лѣкарство изъ тинктуръ имѣетъ въ виду лѣчить не сѣру, арсеникъ или марказитъ, но чистый металлъ.*

Здѣсь окончательно выясняется, *что мысль автора А. С. Н. направлена не только на лѣченіе болѣзней человѣческихъ тѣлъ, но и на лѣченіе металловъ, т. е. онъ стремился сдѣлать людей здоровыми и при помощи очищенія металловъ богатыми.*

Что же касается самаго производства такого общаго лѣкарства для людей и металловъ, то мы отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ, имѣющихъ на то достаточно времени, денегъ и оптимизма, къ самому оригиналу. Остальнымъ довольно будетъ внять,

*) Acidum играетъ роль средняго вещества (Гермафродитъ Янусъ) между газообразными и щелочами такую же, какъ средняя безразличная точка между положительнымъ и отрицательнымъ полюсами.

что *универсальное лѣкарство можетъ быть добыто изъ любой вещи* (ибо всѣ вещи заключаютъ въ себѣ квинтъ-эссенцію первичную матерію, хаотическую воду) и что добывается она *при помощи разложенія, гніенія и броженія*. Лучшимъ матеріаломъ является однако *застоявшаяся дождевая вода* (конечно по воззрѣнію нашего брата Гомера). Послѣдовательность процесса всегда одинакова: сперва аналитическая часть: „разложеніе, дестилляція, ректификація“, потомъ синтезъ: „сложеніе, упроченіе, возрожденіе“. Всегда дѣло сводится къ тому, чтобы вновь получить первоначальный хаосъ изъ тѣхъ веществъ въ которыя онъ вошелъ матеріаломъ. *Это вновь-полученіе, возрожденіе первоначальнаго хаоса въ пятомъ существѣ даетъ относительный продуктъ— твердое кристаллическое тѣло*, которое, несмотря на свою твердость, или, скорѣе, благодаря ей, обладаетъ высшей мѣрой духовной силы и наименьшей мѣрой воды и даетъ *поразительныя лѣчебныя свойства примѣнительно къ людямъ и металламъ*.

Химическій процессъ, необходимый для того, чтобы добыть „камень“ изъ обыкновенной „воды“, разлагая ее на первоначальныя части и синтезируя ихъ потомъ, другими словами, — проводя воду черезъ макрокосмическую точку безразличія, т.-е. черезъ хаосъ этотъ алхимическій процессъ считался, понятно, всегда необыкновенно труднымъ и длиннымъ. Въ общественномъ мнѣніи очень высоко стояли поэтому тѣ искусники, которые могли кратчайшимъ путемъ *превратить воду непосредственно въ камень*. Эта способность приписывалась гофрату Шмиту, о которомъ мы поговоримъ впоследствии болѣе подробно.

Для удачи „великаго дѣла“ необходимо еще одно, и кто этого не имѣетъ, тому ничто уже не поможетъ—тотъ можетъ работать безъ пользы всю свою жизнь: философскаго камня онъ не получитъ никогда. Это—одно необходимое—есть *милость Божія!* Не во власти „художника“ результатъ, а единственно во власти Бога.

Именно потому, что озареніе должно придти свыше, „великое дѣло“ удастся не всякому, кто примется за него, а лишь тому, кто обрѣтетъ милость Бога и будетъ имъ избранъ и просвѣщенъ. Безъ этого искатель вѣчно будетъ корпѣть надъ своей работой, какъ всѣ перипатетики, пребывая въ темнотѣ духовной и въ пустой болтовнѣ.

То, что сказано относительно добыванія лѣкарства, примѣняется

и къ его „употребленію“. *Безъ воли Бога никто не выздоровѣетъ.* И всё универсальныя лѣкарства дѣйствуютъ укрѣпляюще только до тѣхъ поръ, пока Божья воля еще поставляетъ цѣль жизни данному субъекту. Такъ думали въ старину!

З а к л ю ч е н і е

По поводу химическихъ терминовъ.

Когда „художникъ“ разлагаетъ вещества, онъ долженъ всегда помнить, что газообразныя летучія соответствуютъ высшимъ опредѣленіямъ: небу и воздуху, твердыя же—водѣ и землѣ; или, говоря *химическимъ языкомъ*, что превращенія совершаются: въ газообразное, алкалоидное или кислотное состоянія—въ ртуть, сѣру и соли—въ душу, духъ и тѣло или же въ четыре элемента по ученію Аристотеля—огонь, воздухъ, воду и землю. *Отъ желанія каждаго зависитъ давать лобья изъ этихъ обозначеній съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы не перепутывать ихъ между собой* ибо тогда получится несообразное. *Дѣло не въ терминахъ; каждый можетъ окрестить ребенка, какъ хочетъ:* раздѣлить ли онъ вещество на 3 или 4 части—это не важно; онъ можетъ даже подраздѣлить каждую изъ этихъ 3—4 частей на отдѣлки, какъ я упоминалъ уже относительно дождевой воды, напримѣръ, на тонкую, тончайшую и наитончайшую части; или же—на плотную, плотнѣйшую и наиплотнѣйшую и т. д., давая такимъ образомъ названія каждой степени сгущенія. При разложеніи оно можетъ замѣнить слова: конъюнкцію, коагуляцію и фиксацію, другими—гниеніе, разложеніе, распаденіе.

Выше я сказалъ, что чѣмъ болѣе разложилось и утончилось вещество, тѣмъ оно стало нѣжнѣе и летучѣе. Что такое горящій „спиртъ“, какъ не высокая степень разложенія „масла“ или въ высокой степени утонченный „Salpeter“ или сѣмя горящаго „Nitrum“.

Я уже достаточно пояснилъ то, что летучее и стойкое—кислоты и щелочи—различны не по существу сгущенія. *Этимъ же обуславливаются и различныя названія, имъ даваемыя, по материалу же они idem omnia et universa.* Всю разницу и смѣшеніе вещей создаетъ самъ человѣкъ: *раздѣляя субъектъ*

или матерію на два названія, онъ тѣмъ самымъ не раздѣляетъ ихъ силу и свойства тоже на-двое, на-трое и т. д. Всѣ они остаются одной и той же вещью и вся разница между ними только въ степени сгущенія“.

Такъ духъ (единный) различается по своимъ степенямъ—*двойственно*: мужчина и женщина; агентъ и пациентъ; Nitrum и sal; *тройственно*: тѣло, духъ, душа; соль, ртуть, сѣра; кислота, щелочь, летучій газъ; *четверично*: небо, воздухъ, вода, земля и *пятерично* (квинтъ-эссенція). И тѣмъ не менѣе, это *тотъ же единный духъ и различаются только различныя степени его дѣйствія*. Газообразный воздушный онъ названъ небомъ или воздухомъ, агентомъ, мужчиной, душой и т. д.; полустойкій—онъ вода, кислота, спиртъ, сѣра nitrum, стойкій же—земля, пациентъ, щелочь, женщина, магнитъ, тѣло, соль. *И въ этомъ все пониманіе вещей, ибо сообразно тому, въ какой формѣ и образъ предстанутъ передъ нами вещи, мы даемъ имъ названія въ отличіе отъ другихъ*; если же бы все носило одно и то же названіе, то одна вещь бралась бы вмѣсто другой и получилось бы вавилонское смѣшеніе.

Изъ всего этого ясно и недвусмысленно вытекаетъ то, что *всѣ различныя химическія искусственныя названія*, надъ которыми столько издѣвались и за которыхъ сбивались съ толку читатели химическихъ книгъ—*всѣ они не болѣе, какъ „этикетки“ для различныхъ степеней совершенства первичной матеріи, хаотической жидкости*. Всѣ они служатъ только для того, чтобы разобраться среди разныхъ ингридіентовъ въ процессѣ разложенія и возстановленія вещества. *Химическія названія служили только обозначеніемъ степеней коагуляціи и агрегаціи хаоса или первичной матеріи*.

„Если ты меня ясно понялъ, то храни это въ тайнѣ, будь молчаливъ, ибо слишкомъ многіе это прочтутъ и поймутъ, что каждый можетъ войти въ эту дверь; между тѣмъ, придется очень тяжело тому, кто не избранъ для этого (Богомъ)“.

„Дверь открыта, войди въ горницу, другъ! Но замѣть, что я даю тебѣ только ключъ, открывающій всѣ замки; но замокъ этотъ не таковъ, какъ всѣ: его придется много разъ пробовать открыть, пока онъ откроется. У тебя есть ключъ и есть руки, чтобы открыть ворота, и есть ноги, чтобы войти въ нихъ; или дол-

женъ я тащить тебя? Ну, хорошо! Садись мнѣ на спину и я понесу тебя черезъ всѣ двери къ постели нагой королевы. Но берегись прихода короля, твоя голова въ опасности; если твое чувство грѣховно, онъ разгнѣвается и ты погибъ“.

Входи же поэтому съ чистымъ набожнымъ и цѣломудреннымъ духомъ! Иначе, отяжелѣвшая твоя совѣсть не пропуститъ тебя. Берегись, говорю тебѣ, ибо король есть тотъ, кто испытуетъ сердца и мысли, т.-е. Богъ! (qui scrutatur corda et renes—Deus).

„Съ Богомъ начинай—съ Богомъ кончай“!

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Объ Алькаэстѣ

Взглядъ на старую и на современную алхимию.

Въ послѣдней главѣ А. С. Н. авторъ касается столь прославленнаго Алькаэста.

Мы также закончимъ имъ нашу работу, бросивъ *взглядъ и на будущее алхиміи*.

Ученіе объ универсальномъ абсолютномъ, радикальномъ все растворяющемъ веществѣ, или, какъ его короче называютъ, объ Алькаэстѣ, представляетъ ключъ къ научному пониманію алхиміи.

Главное удареніе падаетъ на „Solve radicaliter!“

Раствори сперва необходимыя, многообразныя сырыя вещества, изъ которыхъ искусственно создается золото. Выдѣли ихъ изъ феноменальнаго существованія. Верни въ трансцендентальное. Возстанови *prima materia*—безразличный первичный матеріалъ, хаосъ, хаотическую воду, шамаймъ и пр. Раствори матерію.

Раствори и снова соедини, прибавь каждаго вещества до состоянія покоя (индифферентнаго) и ты узнаешь искусство алхимика“.

Такъ говоритъ Кункель фонъ-Левенштернъ въ своей химической лабораторіи.

Когда изъ сырого матеріала помощью редукиці, т.-е. анализа, получали сперва *materia proxima* (ближайшую), потомъ *materia remota* (отдаленную) и, наконецъ, *materia prima*, то считали дѣло почти сдѣланнымъ; тогда, думали, что уже не представляетъ боль-

шой трудности превратить этот материал, т. е. безразличную материю перевести въ любомъ направленіи въ любой синтезъ, хотя бы и въ золото.

Главной трудностью было и осталось его приведеніе въ первичную материю.

Но теперешніе алхимики-ислѣдователи и описатели далеко не придають такого значенія этому процессу. „Камень мудрецовъ“ разсматривается теперь подъ другимъ угломъ зрѣнія, какъ средство лѣченія того металла, для котораго онъ предназначенъ; тогда актъ превращенія становится логически допустимымъ и подлежащимъ научному разсмотрѣнію. *О непосредственномъ превращеніи свинца въ золото (безъ перехода свинца черезъ безразличную точку), о созданіи золота (безъ предварительнаго разрушенія) нѣтъ теперь и рѣчи.*

Это стало ясно и старымъ алхимикамъ, почему у нихъ и было столько теорій, писаній, техническихъ выраженій и полемики по поводу Алькаэста.

У классическихъ алхимиковъ Алькаэстъ считался препаратомъ *химическимъ*. И переходъ матеріи въ хаотическое состояніе считался понятно тоже химическимъ процессомъ.

Всѣ попытки найти такое *химическое* универсальное средство не привели къ цѣли. Много было отыскано подходящихъ веществъ, но всѣ они не выдержали позднѣйшаго контроля научной критики.

И все-таки древніе держались крѣпко за идею возможности нахождения этого средства, они ждали, когда явится алхимическій мессія „Илія-артистъ“.

Ошиблись ли они въ этой надеждѣ? Нѣтъ!

Конечно, ихъ надежда осуществилась не такъ, какъ они себя представляли—не „химически“, но „физически“.

Физическій Алькаэстъ возникъ для старой традиціонной алхиміи благодаря современному изученію природы! И съ его появленіемъ возрождается старая алхимія, проходя черезъ новое крещеніе, лучше котораго и не представлялъ себѣ нашъ дорогой покойный братъ Гомеръ.

Подъ *физическимъ* Алькаэстомъ мы разумѣемъ сумму физическихъ (механическихъ, химическихъ, оптическихъ, электрическихъ условий, а также тяготѣнія и пр.), условий, при которыхъ тѣло, какъ, на примѣръ, химическій элементъ, теряетъ „совершенно“ свои спе-

пифическія свойства и отличія. Дѣло не въ *химическихъ* дѣйствующихъ силахъ, а въ *физическихъ*; не *химическая* среда необходима, а физическая, подъ вліяніемъ которой тѣло (элементы его) разрушается, теряетъ свою сущность, радикально распадается, превращается въ „хаосъ“, въ „квинтъ-эссенцію“.

Такое разрушеніе совершается не надъ „молекулами“, а надъ „атомами“. Эти послѣдніе распадаются при этомъ на первичные атомы—атомы хгоса и первичной матеріи.

Къ этому убѣжденію о распадаемости атомовъ всякаго тѣла, а также и химическихъ „элементовъ“ современное естествознаніе подошло вплотную не только въ теоріи, но и на практикѣ—экспериментально. Оно полагаетъ, что атомы *составлены изъ электрическихъ элементарныхъ величинъ или электроновъ и, следовательно, могутъ быть на нихъ же и разложены*. Даже, болѣе того, оно фактически признаетъ то, что *за разрушеніемъ атома слѣдуетъ его перерожденіе въ новую матерію! Разлагая радій, получимъ соединеніе—гелій!* Произойдетъ ли это превращеніе при помощи химическаго или физическаго Алькаэста—это безразлично; эффектъ тотъ же! Одинъ элементъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Получается нѣчто новое,—другое, вещество съ новыми свойствами. Элементъ „переродился“.

И если современное „искусство превращенія“ произойдетъ не въ кратчайшій срокъ и безъ помощи *искусственно-химическаго Алькаэста*, а потребуетъ многолѣтняго дѣйствія *естественно-физическаго Алькаэста*, т.-е. данной природой физической среды, то въ принципѣ это—одно и то же: *превращеніе остается превращеніемъ*, скоро ли, долго ли оно совершается, а „химически“ или „физически“—это безразлично.

Если спросятъ, почему въ первомъ и единственномъ случаѣ такого превращенія (хотя одно существенное подтвержденіе дороже сотни умозаключеній), почему радій превращается именно въ гелій, а не въ свинецъ или золото, то я отвѣчу, что причина этого лежитъ, съ одной стороны, въ подлежащемъ матеріалѣ (радій), а съ другой—въ природномъ физическомъ Алькаэстѣ, *который, однако, можетъ быть искусственно видоизменяемъ*.

Ведѣ, въ природѣ, во всѣхъ отдѣльныхъ существахъ, мы видимъ проявленіе закона „optimum'a“, который для каждого частнаго случая ставитъ извѣстныя границы въ формахъ и способно-

стяхъ, въ матеріи и силѣ, въ движеніяхъ и воспріятіяхъ. Этотъ законъ учитъ насъ, что границы эти въ отдѣльномъ существѣ (какъ со стороны „высшаго“, такъ и „низшаго“, какъ въ большомъ такъ и въ маломъ) нельзя переступать безнаказанно, т.-е. безъ измѣненія временнаго вида и состоянія даннаго существа.

Законъ этотъ распространяется какъ на большой, такъ и на малый міръ, на планеты и атомы, на людей и животныхъ, на растенія и камни.

Даже для атомовъ существуетъ, повидимому, мѣра высшей величины и вѣса. Какъ только они переступактъ ее, теряется ихъ стойкость и они „распадаются“. Въ границахъ этой стойкости подлечатъ они дѣйствию своего естественнаго Алькаэста. Тогда изъ нихъ возникаетъ новое. Съ нимъ происходитъ перемѣна—„превращеніе“. Физическій Алькаэстъ разлагаетъ атомы на субъатомы, первичные атомы, которые далѣе группируются въ новые атомы, а эти въ новые элементы, такимъ образомъ, они упрочняются, „коагулируются“.

Когда распадаются атомы элементовъ, обладающихъ максимальнымъ атомнымъ вѣсомъ (напримѣръ: ураній, торій, радій), то продукты распадения комбинируются, перейдя черезъ первичную атомную точку безразличія, снова въ элементы, но съ относительно минимальнымъ атомнымъ вѣсомъ (гелій).

Такимъ образомъ, замыкается земное „кольцо“, „дѣль“ развитія элементовъ и ихъ атомнаго вѣса. И мы снова возвращаемся къ учению: Aurea Catena Homeris, Annulus Platonis, Superius et Inferius Hermetis.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Рукописи „А. С. Н.“, находящіяся въ Гамбургской городской библіотекѣ.

Мы уже упоминали о томъ, что А. С. Н. распространялась не только до изданія ея въ 1723 г. но и позже въ видѣ рукописей. Интересно познакомиться ближе съ этими рукописями.

Въ Гамбургской библіотекѣ находятся три манускрипта.

I подъ № 763.

„Чистая истина герметической философии. Раздѣлена на 4 класса: I.—*Ex regno minerali*, II—*Ex regno animali*, III—*Ex regno vegetabili*, и наконецъ IV.—*Ex regno coelesti seu principio aethereo*, дорога къ открытію тинктуры для людей и металловъ.

IV классъ распадается на нѣсколько номеровъ. № 2 озаглавленъ: *Lapis Philosophorum ex spermate mundi*. Затѣмъ, изображенія фигуръ „*Abyssus Duplicatae*“ и „*Aurea Catena Homeri*“ и 8 главъ по 11 страницъ, ничего общаго не имѣющихъ съ нашею А. С. Н. № 5 помѣченъ датю Ао: 1718 d. 24 Martii. „Здѣсь мы видимъ оба изображенія А. С. Н. въ рисункахъ, сдѣланныя еще за 5 лѣтъ до перваго печатнаго образа ея. Въ томъ же сборномъ томѣ слѣдуетъ дальше, написанное уже другой рукой на 92 страницахъ — должно быть рукою гофрата Шмидта — „Третья книга или третья часть „Золотой цѣпи.“ *De transmutatione metallorum*—объ превращеніи и очищеніи металловъ въ благородные металлы.

II № 777.

Nucleus sive Supplementum Catenaе Aureae Homeri propter abusum ab ipso sic dicto Libro aurea recisum atque in usum Filiorum Artis divinae reservatum.

Манускриптъ, написанный самимъ гофратомъ Шмидтомъ, содержитъ также 27 страницъ корректуры и примѣчаніе къ А. С. Н. на нѣмецкомъ языкѣ.

III № 621.

„Замѣчательныя явленія въ минеральномъ царствѣ, вычитанныя изъ греческаго манускрипта Гомера“. Золотая цѣпь, переведенная на латинскій языкъ аббатомъ ордена Бенедиктинцевъ — Иоганомъ Тритгеймомъ, впоследствии переданная на нѣмецкій языкъ М. J. М.

Манускриптъ написанъ переписчикомъ гофрата Шмидта. Заключаетъ въ себѣ 156 страницъ. Въ началѣ его—цвѣтной рисунокъ, изображающій двойную бездну золотой цѣпи (*Abyssus duplicatus*). Содержаніе захватываетъ только 23-главу первой части и 9-й второй А. С. Н., въ которыхъ говорится о разложеніи минераловъ.

Особый интерес заключается въ предисловіи, которое мы приводимъ здѣсь въ сокращеніи:

„Здѣсь я хочу подѣлиться съ вами, мои братья, тѣмъ, что я съ большимъ трудомъ прочелъ въ греческомъ оригинальномъ манускриптѣ и перевелъ во время моего странствованія въ Ватиканъ. Вы увидите, насколько это превосходить въ достоинствахъ писаніе патера Николая, ибо онъ, имѣя много времени, не сумѣлъ разобратъ въ греческомъ языкѣ, а потому и не могъ сдѣлать точной передачи смысла автора; онъ часто беретъ ошибочныя, обозначенія матерія и многое пропускаетъ изъ сказаннаго авторомъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго времени, я извлекаю изъ рукописей только самое важное, а именно то, что авторъ говоритъ о рожденіи и свойствахъ минераловъ и даетъ очеркъ ихъ анатоміи; это—важнѣйшее въ его писаніяхъ—необходимо имѣть у себя безъ ошибокъ; Остальное можно прочесть и у патера Николая. Этотъ Гомеръ, вмѣстѣ съ Зороастромъ, лучше всего изучилъ рожденіе металловъ и минераловъ, и эту тему онъ излагаетъ ясно и открыто. Потому я и даю себѣ трудъ перевести это мѣсто съ греческаго на латинскій, который понимаютъ мои братья по ордену, чтобы они могли основательно изучить алхимическую мудрость“.

„*Trithemius Abbas*“.

Изъ этого предисловія мы узнаемъ двѣ новости. Знаменитый Іоганнъ Тритеміусъ изъ Спонгейма (1462—1516), другъ Корнелія-Агриппы и учитель Парацельса, а также патеръ Николай связаны съ нашей „Золотой цѣпью“. Если бы можно было удостовѣрить критикою эти данныя, то исторія нашей книги получила бы новое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Въ трудахъ Тритеміуса я не нашелъ ничего, говорящаго объ А. С. Н., а личность патера Николая я не могъ удостовѣрить.

Во всякомъ случаѣ, существуютъ три манускрипта еще до гофрата Шмидта, приписываемые августинскому патеру Іоганну-Николаю. Они слѣдующіе.

№ 626.

Іоганна-Николая, патера ордена Августинцевъ—„Истинное свидѣтельство о тинктурѣ и камнѣ древняго мудраго мастера“. Своему

монастырю, на память, съ любовью, посвящаетъ Базиліо-Валентинъ, братъ ордена Бенедиктинцевъ. Годъ MCCCCLXXX.

69 страницъ манускрипта написаны переписчикомъ Шмидта, которымъ нѣкоторыя мѣста исправлены.

Изъ словъ Базиліо-Валентина вытекаетъ, что онъ былъ ученикомъ Николая; что послѣдній много путешествовалъ по свѣту, въ качествѣ миссіонера (въ Китаѣ и др.); что онъ былъ величайшимъ философомъ, астрономомъ, естествоиспытателемъ и владѣльцемъ „большого универсальнаго камня“ и умеръ 104 лѣтъ отъ роду.

Содержаніе манускрипта не имѣетъ ничего общаго съ А. С. Н

№ 627.

Есть дубликатъ № 626. Здѣсь прибавлены еще четыре цвѣтныя иллюстраціи, аллегорически изображающія описанный химическій процессъ.

№ 775.

Clavis патеру Іоганну-Николаю.

24 страницы текста, относящіяся къ № 626.

Эти данныя не даютъ тоже никакого положительнаго результата. Напротивъ, чтобы внести еще больше путаницы (умышленно), приводятся слова проблематическаго Базиліо-Валентина.

Мы должны заключить отсюда, что такъ какъ ни аббатъ Тритеймъ не былъ въ Римѣ, ни патерь Николай не существовалъ (во всякомъ случаѣ, *тотъ* патерь Николай), то здѣсь, въ манускриптѣ № 621, является обычная, любимая герметической литературой, мистификація. Было въ обычаѣ выставлять на манускриптахъ и заглавіяхъ книгъ имена знаменитыхъ и общеизвѣстныхъ авторитетовъ (дѣйствительныхъ или воображаемыхъ), чтобы сдѣлать ихъ приманкой для покупателей-любителей. Такъ, фигурировали, напримѣръ, Тритеміусъ, Базиліо-Валентинъ Зороастръ, Гермесъ, Фаустъ и др.

Наша „А. С. Н.“ не нуждалась въ такой приманкѣ. Она говорить за себя сама, что, какъ надѣюсь, мнѣ удалось показать съ полною очевидностью.

Принимается подписка на новый научно-популярный журналъ

Вопросы Психизма и Спиритуалистической философіи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Новѣйшія открытія и спорные вопросы современнаго естествознанія. 2) Современная психологія и психофизиологія — обзоръ новѣйшихъ открытій, изслѣдованій и теорій, разборъ и оцѣнка ихъ. — 3) Древнія и современныя ученія о личности и о сверхнормальныхъ способностяхъ ея; теоріи и факты; психизмъ, животный магнетизмъ, гипнотизмъ, медиумизмъ и т. п. — 4) Извлеченіе изъ протоколовъ и отчетовъ русскихъ и заграничныхъ обществъ и кружковъ по вопросамъ медиумизма, психизма и спиритуализма. — 5) Забытыя науки древности и ихъ связь съ современною философіею и естествознаніемъ. Древнія и новыя оккультныя и мистическія общества; ихъ исторія, происхождение и ученія. — 6) Мистика и спиритуалистическая философія въ связи съ вопросами современныхъ религій, философіи, искусства и общественной жизни. — 7) Библиографія; обзоры и критическія замѣтки о старыхъ и новыхъ книгахъ. — 8) Вопросы и отвѣты; обменъ мнѣній за и противъ. — 9) Труды Русскаго Спиритуалистическаго Общества и др.

Журналъ будетъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріала, книжками не менѣе 6 разъ въ годъ.

Подписная цѣна: на годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к.

Для подписчиковъ журнала „Ребусъ“ и „Франк-Масонъ“ за годъ 3 р., за полгода 2 р.

Редакторъ-издатель П. А. Чистяковъ.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, д. Нейдгартъ, кв. № 12.

== ТРУДЫ ==

1-го ВСЕРОССИЙСКАГО СЪѢЗДА СПИРИТУАЛИСТОВЪ

бывшаго въ Москвѣ 20—27 Октября 1906 г.

Свыше 350 печатныхъ страницъ, со многими рисунками и чертежами.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Доклады: П. А. Чистяковъ. Современная наука и спиритуализмъ (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Съезда) — фонъ-Меккъ. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — II. Мельниковъ. Непокойный домъ въ Томской губерніи. — Б. Тайцъ. Случай непосредственнаго письма (съ рисунокъ). — А. и Б. Два случая доказанной самоличности. — II. Чистяковъ. Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ. — Сербовъ. Очерки изъ исторіи русской мистики. — Ал. К. Никольскій. Религиозное движеніе алтійскихъ калмыковъ (съ рисунокъ). — II. Чистяковъ. О фотографіи невидимаго — А. и Б. О психической трансцендентальной фотографіи (съ рисунокъ). — В. К. Армфельтъ. Астральная фотографія. — Кудрявцевъ. Изученіе человѣческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней (съ рисунокъ). — II. Чистяковъ. Экстеріоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертежъ). — Л. Оноре. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнаулѣ (съ рисунокъ). — А. К. Теософія въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (доктора Рудольфа Штейнера на Теософическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ 1906). — В. Н. Запругаевъ. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — II. Чистяковъ. О воспитаніи и культурѣ медиумовъ. — II. Чистяковъ. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій Съезда. — III. Отчетъ организационнаго бюро.

Цѣна 3 р. безъ пересылки; для подписчиковъ журнала „Ребусъ“, „Франк-Масонъ“ и „Вопросовъ Психизма“ и для членовъ Съезда — 2 р.

Выписывать можно изъ редакціи журнала „Ребусъ“ — Москва, Арбатъ, д. Нейдгартъ, кв. № 12.

РУССКІЙ ФРАНК-МАСОНЪ

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ, литературный, общественный и популярно-научный, посвященный изученію исторіи и литературы

МАСОНСКАГО СОЮЗА С. О. К. О.

въ Россіи и за границею.

Посвящается всѣмъ работающимъ и ищущимъ въ 3-хъ степеняхъ истиннаго и справедливаго Іоанническаго Духовнаго Маонства.

ИСТОРИЯ РЕЛИГІИ.
ЭЗОТЕРИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ и
традиціи всѣхъ странъ, временъ
и народовъ.
ИСТОРИЯ ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.
ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ (тайныя) НАУ-
КИ: КАББАЛА, ТЕОСОФІЯ, ОК-
КУЛЬТИЗМЪ.

ВОПРОСЫ: религіи, филосо-
фіи, науки, искусства и обще-
ственной жизни въ связи съ воп-
росами спиритуализма и мистики.
Современный спиритуализмъ,
психизмъ и медіумизмъ; живот-
ный магнетизмъ, гипнотизмъ,
спиритизмъ.

Свободное знаніе и независимая наука внѣ школь, внѣ традицій.

Выходить не менѣе 6 разъ въ годъ (съ пояснительными рисунками).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 10 руб., на полгода 5 р. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ нижнихъ магазинахъ и при конторѣ журнала
„РЕБУСЪ“—МОСКВА, Арбатъ, д. Нейдгартъ, кв. № 12.

Официальный Редакторъ П. А. Чистяковъ.